

архитектурная археология

architectural archeology

№ 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Вл. В. СЕДОВ

МОСКВА

2020

Учредитель: Институт археологии РАН

Редакционная коллегия: *Антипов Илья Владимирович*, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Баталов Андрей Леонидович*, доктор искусствоведения, Музеи Московского Кремля (Россия); *Беляев Леонид Андреевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Богданович Елена*, доктор искусствоведения (Сербия); *Вдовиченко Марина Викторовна*, кандидат искусствоведения, Институт археологии РАН, заместитель главного редактора (Россия); *Вздорнов Герольд Иванович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Россия); *Гайдуков Пётр Григорьевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Гиппиус Алексей Алексеевич*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, Институт славяноведения (Россия); *Ёлшин Денис Дмитриевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Жервэ Алексей Владимирович*, Государственный музей истории религии (Россия); *Иоаннисян Олег Михайлович*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Казарян Армен Юрьевич*, член-корреспондент РААСН, доктор искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (Россия); *Коваль Владимир Юрьевич*, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Крадин Николай Николаевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия); *Левандаускас Витаутас*, доктор гуманитарных наук, Университет Витовта Великого (Литва); *Макаров Николай Андреевич*, академик РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Петрушонис Витаутас*, доктор гуманитарных наук, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса (Литва); *Седов Владимир Валентинович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Институт археологии РАН, главный редактор (Россия); *Ситдииков Айрат Габитович*, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия); *Толстиков Владимир Петрович*, кандидат исторических наук, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Россия); *Яганов Андрей Викторович*, Институт археологии РАН (Россия)

Editorial board: *Antipov Ilya Vladimirovich*, Candidate in History of Arts, St. Petersburg State University (Russia); *Batalov Andrei Leonidovich*, Doctor in History of Arts, Moscow Kremlin Museums (Russia); *Belyaev Leonid Andreevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Bogdanovich Elena*, Doctor in History of Arts (Serbia); *Vdovichenko Marina Viktorovna*, Candidate in History of Arts, Institute of Archaeology RAS, Deputy Editor-in-Chief (Russia); *Vzdornov Gerold Ivanovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor in History of Arts, State Research Institute for Restoration (Russia); *Gaidukov Pyotr Grigoryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Gippius Alexei Alexeevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Institute of Slavic Studies RAS, (Russia); *Jolshin Denis Dmitrievich*, Candidate of Historical Sciences, State Hermitage Museum (Russia); *Gervais Alexei Vladimirovich*, State Museum of the History of Religion (Russia); *Ioannisyian Oleg Mikhailovich*, Candidate of Historical Sciences, State Hermitage Museum (Russia); *Kazaryan Armen Yuryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Doctor in History of Arts, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); *Koval Vladimir Yuryevich*, Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Kradin Nikolai Nikolaevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); *Levandauskas Vytautas*, Doctor of Humanities, Vytautas Magnus University (Lithuania); *Makarov Nikolai Andreevich*, Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Petrušonis Vytautas*, Doctor of Humanities, Vilnius Gediminas Technical University (Lithuania); *Sedov Vladimir Valentinovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor in History of Arts, Institute of Archaeology RAS, Editor-in-Chief (Russia); *Sitdikov Airat Gabitovich*, Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Russia); *Tolstikov Vladimir Petrovich*, Candidate of Historical Sciences, Pushkin State Museum of Fine Arts (Russia); *Yaganov Andrei Viktorovich*, Institute of Archaeology RAS (Russia)

© Авторы статей, 2020

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020

Содержание

- Т. В. Олейник.* Проблема т. н. «царской» хоры Боспора IV–III вв. до н. э: *pro et contra* (некоторые предварительные итоги и перспективы архитектурных исследований) **7**
- А. А. Малышев, А. С. Клемешов.* О фортификации Верхнегостагаевского городища **29**
- А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа, А. В. Акопян, Е. Ю. Ендольцева.* Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки **39**
- Г. В. Требелева, С. М. Саканиа, К. А. Глазов, А. С. Кизилов, З. Г. Хондзия, Г. Ю. Юрков.* Проект по каталогизации позднеантичных и средневековых храмов в Абхазии: полученные результаты и будущие перспективы **51**
- С. М. Михеев.* Запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем: неожиданная находка на поле новгородской минеи XII века **61**
- А. Ю. Виноградов, Д. Д. Ёлшин, Ю. М. Свойский.* Вопросы строительной истории Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в свете новых открытий **65**
- Вл. В. Седов.* Архитектурно-археологические исследования церкви Рождества Богородицы в Боголюбове в 2018 году **80**
- Вл. В. Седов.* Церкви Покрова на Нерли и Рождества Богородицы в Боголюбове на фоне романской архитектуры Ломбардии **101**
- Ю. С. Фомичёва.* Архитектурные формы древнего Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря по археологическим данным и его архитектурные аналоги **127**
- В. Н. Матвеев.* Фигурные керамические плитки конца XII века из раскопок во Владимире и Суздале **134**
- М. В. Вдовиченко.* Фундаменты Георгиевского собора 1230-х годов в Юрьеве-Польском по данным археологии **148**
- В. В. Майко.* Христианские храмы юго-восточного Крыма XIII–XIV вв. Попытка сравнительного анализа **157**
- В. Ю. Коваль.* Архитектура базара в Болгаре по данным археологии **173**
- И. В. Антипов, Вал. А. Булкин, А. В. Жервэ.* Новгородская Владычная палата по данным архитектурно-археологических исследований 2000–2010-х гг.: изучение утраченных частей здания **189**
- Л. А. Беляев, С. Б. Григорян, В. С. Фролов, С. Г. Шуляев.* Дополнительные конструкции фундаментов Смоленского собора XVI в. в Новодевичьем монастыре. Предварительная публикация **204**
- И. В. Стасюк.* Пятницкий (Михайловский) храм Пятницкого монастыря на Ивангородской дороге: результаты археологических исследований 2018–2019 гг. **215**
- С. М. Смирнова.* Церковь Антония и Феодосия Печерских и настоятельский корпус Тверского Успенского Жёлтикова монастыря по материалам археологических раскопок 2018 года **227**

В. Петрушонис. Наиболее приемлемая форма представления результатов исследования культурной идентичности отдельных памятников архитектуры и их комплексов для нужд проектной деятельности **236**

Список сокращений **247**

Правила оформления статей **249**

Contents

- T. V. Oleynik.* The issue of Bosphorus's "royal" chora: *pro et contra* (some preliminary outcomes and prospects of architectural studies) **7**
- A. A. Malyshev, A. S. Klemeshov.* On the fortification of Verkhnegostagayevskoye site **29**
- A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua, A. V. Akopian, E. Yu. Yendoltseva.* Early Byzantine church at the site of the ancient Gienos (Abkhazia): Latest finds **39**
- G. V. Trebeleva, S. M. Sakania, K. A. Glazov, A. S. Kizilov, Z. G. Khondzia, G. Yu. Yurkov.* A project to catalogize churches built in late Antiquity and the Middle Ages in Abkhazia: outcomes and prospects **51**
- Savva M. Mikheev.* An unexpected find in the margins of a 12th century Menaion from Novgorod: A record of the founding of the Pskov Trinity Cathedral by Vsevolod Mstislavich **61**
- A. Yu. Vinogradov, D. D. Jolshin, Yu. M. Svoisky.* The construction history of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl'-Zalessky in the light of new discoveries **65**
- Vi. V. Sedov.* Architectural and archaeological studies of the Nativity of the Theotokos church in Bogolyubovo (2018) **80**
- Vi. V. Sedov.* Churches of the Intercession on the Nerl' and of the Nativity of the Theotokos in Bogolyubovo in the context of Lombardy's Romanesque architecture **101**
- Yu. S. Fomichova.* The old Transfiguration Cathedral of the Khutyn Monastery: architecture from archaeological data and architectural analogues **127**
- V. N. Matveyev.* Shaped ceramic tiles of late 12th century from the excavations in Vladimir and Suzdal **134**
- M. V. Vdovichenko.* Foundations of the 1230s St. George's cathedral in Yuriev-Polsky from archaeological data **148**
- V. V. Maiko.* 13th–14th century Christian churches in South-Eastern Crimea: A comparative study **157**
- V. Yu. Koval.* The architecture of a market in the town of Bolgar from archaeological data **173**
- I. V. Antipov, Val. A. Bulkin, A. V. Gervais.* The Episcopal Chamber in Novgorod in architectural and archaeological research in the 2000s and 2010s: studying the lost fragments of the building **189**
- L. A. Belyaev, S. B. Grigoryan, V. S. Frolov, S. G. Shulyaev.* Reinforcing constructions in the foundation of the 16th century Cathedral of Our Lady of Smolensk in Novodevichii Convent: A preliminary publication **204**
- I. V. Stasyuk.* St. Paraskeve's (St. Michael's) church in Pyatnitsky monastery on the Ivangorod road: the outcomes of the 2018–2019 archaeological studies **215**
- S. M. Smirnova.* The church of Sts. Anthony and Theodosius of the Caves and the hegumen's house of the Assumption Zholtikov monastery in Tver: from the 2018 archaeological excavations **227**

V. *Petrušonis*. The most acceptable form of presenting the outcomes of studying cultural identity of heritage architecture and architectural complexes to serve the purposes of design **236**

List of Abbreviations **247**

Submission Guildelines **249**

Архитектурно-археологические исследования церкви Рождества Богородицы в Боголюбове в 2018 году

Вл. В. СЕДОВ

Церковь Рождества Богородицы в Боголюбове вместе со всем комплексом белокаменных строений, окружающих ее, принадлежит к самым известным средневековым памятникам России. Его ядро включает в себя лестничную башню и северный переход от нее к храму, киворий, фрагменты второго, южного перехода и остатки собственно храма, построенного при князе Андрее Боголюбском в середине XII века; эти объекты изучались Николаем Николаевичем Ворониным, подробно издавшим результаты своих раскопок и натурных штудий (Воронин, 1939а; 1939б; 1945; 1961. С. 201–261). Однако этот памятник нельзя считать полностью исследованным, он и по сей день по большей части скрыт землей, а потому даже небольшие работы у стен этих зданий могут принести значительные результаты.

Н. Н. Воронин раскопал в 1934–1938 гг. участки с юга, юго-востока, севера и запада от храма. Помимо храма он изучал северный переход, продолжающий лестничную башню, а также южный переход и киворий. В 1939 г. Н. Н. Воронин писал о раскрытых частях церкви: «От дворцового собора, перестроенного в XVIII в., сохранились нижние части стен с великолепными порталами, пилястрами и цоколями; западный портал сохранил следы оковки его золоченой медью» (Воронин, 1939б. С. 30).

В том же 1939 г. он более подробно писал об исследованных частях храма: «Построенный в 1158 году дворцовый собор, на описание которого летописец не пожалел восторженных слов и сравнений, до нас не дошел. В результа-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-327-5.80-100>

Аннотация. В статье публикуются результаты археологических и натурных работ на памятнике белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальского княжества, церкви Рождества Богородицы в Боголюбове середины XII в. Эта церковь разрушилась в начале XVIII в. и вскоре была полностью выстроена заново. Основания древнего храма, сохранившиеся в земле, остались нетронутыми. Они были частично открыты археологическими раскопками Н. Н. Воронина. В 2015 г. автором этой работы были проведены небольшие археологические работы, открывшие ранее неизвестные части церкви. В 2018 г. эти работы были продолжены. Были открыты ранее неизвестные части: северо-восточный угол храма, а также северная часть средней абсиды. Кроме этого была обмерена западная стена храма, открытая Н. Н. Ворониным, но практически не документированная чертежами. Археологические работы и натурные исследования дали интересный материал, позволяющий по-новому взглянуть на романскую по стилю декорацию церкви времени князя Андрея Боголюбского.

Ключевые слова: Древнерусская архитектура, Владимиро-Суздальская Русь, Боголюбово, белокаменные здания, церковь, раскопки, обмеры, основание, резьба, профили, цоколь, колонны, романский стиль.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru

те варварских архитектурных переделок конца XVII века он рухнул в 1722 году. Аристархова летопись Боголюбова монастыря сохранила нам картину этого разрушения, описание погибшего памятника и ценное свидетельство, что при перестройке в XVIII веке он был разобран не до основания и что нижние части его стен послужили фундаментом нового собора. Раскопки полностью подтвердили эти данные, а также рассеяли некоторые сложившиеся ложные представления о древнем соборе.

Раскопки у наружных стен собора обнаружили прекрасно сохранившиеся полуколонки на абсидах и профилированные цоколи собора, настенные пилястры с полуколонками и характерными романскими рогатыми базами и три прекрасной сохранности перспективных портала; западный портал сохранил следы оковки позолоченной медью — это был главный вход в собор с дворцовой площади» (Воронин, 1939а. С. 68). Этот фрагмент текста иллюстрирует только одна фотография с изображением «северо-западной пилястры собора» (угловой обходящей лопатки на северо-западном углу с наложенной на угол колонной и колонками по сторонам), раскрытой раскопками (Воронин, 1939а. С. 69).

Ненамного больше сведений в отчетной статье Н. Н. Воронина 1941 г.: «В Боголюбове же начаты раскопки фундаментов дворцового собора 1158 г. <...> Снаружи раскрыты северный (частично) и южный порталы и юго-восточная четверть собора и зачищены остальные части южного и восточного фасадов. Древние стены собора сохранились на высоту 2–3 рядов камня; цоколь — прекрасного аттического профиля, апсиды украшены полуколонками. Хорошо сохранившиеся порталы, без резьбы, по форме близки порталам Покрова на Нерли; фасады членятся лопатками с полуколонной». Этот текст был проиллюстрирован тремя фотографиями, показывающими: колонки на абсидах, пилястру южного фасада с наложенной полуколонной и часть южного портала (Воронин, 1941. С. 96–97. Табл. XV и XVI).

В своей монографии 1961 г. Н. Н. Воронин подвел итоги всех своих исследований Боголюбова (Воронин, 1961). В главе, посвященной этому комплексу, содержится краткое описание внешних частей церкви: «Внутри вскрыты...; снаружи — южный и западный фасады полностью, северный портал, южная половина восточного фасада. Остальные участки — северный фасад и

северная часть восточного — были обследованы лишь зачисткой до уровня древней кладки и фасадных деталей» (Воронин, 1961. С. 210).

Кроме того, мы находим здесь план собора (Воронин, 1961. С. 211. Ил. 90) с показанием раскопанных частей, из которого видно, что ученый исследовал несколько меньше, чем указал в тексте (исследованные частично северный и северная часть восточного фасада здесь вообще не показаны): восточную часть северного портала, примерно половину средней абсиды и южную боковую абсиду, восточную половину южного фасада с южным порталом, западный фрагмент того же южного фасада и две трети западной стены (начиная с севера) и западный портал. Эти фрагменты, у которых показаны колонки и цоколи (сверху — в плане), послужили основой для реконструкции плана храма в целом.

Относительно стратиграфии собора с внешних сторон сказано следующее: «Общая мощность культурного слоя, выросшего вокруг собора, составляет от 1,5 до 1,9 м. Его структура яснее всего у апсид. Внизу белокаменную вымостку вокруг храма прикрывает мощный слой темного гумуса, представляющий естественный нарост почвы от середины XII в. и до работ XVIII в. Выше идет слой извести и кирпича, отвечающий разрушению собора в 1722 г. и каменно-кирпичному строительству нового; верхний уровень слоя совпадает с границей новой кладки. Этот строительный слой прикрыт песчаной подсыпкой под кирпичную вымостку, существовавшую вокруг собора. Характер культурного слоя у западного фасада близок описанному, с той лишь разницей, что нижний слой нарушен кирпичными склепами XVIII–XIX вв., а вверху идет ряд настилов полов поздней паперти» (Воронин, 1961. С. 212).

Далее ученый описывает сохранившиеся ряды древней кладки нижней части стен: два ряда с востока, два ряда в восточной части южной стены и уже три — в западной части этой стены и на западной стороне. Он пишет о соборе: «При четком трехапсидном плане его членения более развиты, лопатки с полуколонной дополнены полуколонками по сторонам, угловые лопатки объединены угловой трехчетвертной колонной, на абсидах появились тонкие полуколонки-тяги (по две на боковых и четыре на средней апсиде) и плоские тяги в сочленениях апсид. Порталы имеют развитой профиль».

Несколько ниже говорится об украшении западного портала листами золоченой меди: сохранились гвозди, вбитые в белый камень. Весь этот материал проиллюстрирован уже упомянутым планом собора, а также пятью фотографиями: цоколя и пилястры на западном фасаде собора, северо-западного угла (уже знакомое нам фото), южного портала (тоже), юго-восточного угла и полуколоннок апсид. Помимо этого в книге дан чертеж фасада нижней части западного портала с обозначением гвоздик обивки (Воронин, 1961. С. 212–214. Ил. 92, 93 и 95).

Отметим сразу, что представленного материала для полного изучения оставшихся частей собора явно недостаточно: фасады открытых частей не были начерчены, не было сделано профилей цоколя, оснований колонн и колонок, а также профилей порталов. Восточные, южные и северные части древнего храма до сих пор скрыты грунтом (большинство раскопок Н. Н. Воронина было засыпано), а с западной стороны, где внутри позднего притвора был устроен приямок с показом стены, тоже не было сделано подробных обмеров и фотофиксации.

Комплекс Боголюбова и архитектура церкви Рождества Богородицы на основании исследований Н. Н. Воронина были проанализированы в недавнее время О. М. Иоаннисяном (Иоаннисян, 2005; 2013; 2015), на выводы которого мы опираемся и от которых иногда отталкиваемся.

В 2015 г. под руководством автора этой статьи были проведены раскопки у стен церкви Рождества Богородицы. Это были небольшие шурфы: шурф 1 располагался внутри храма, между юго-западным подкупольным столбом и южной стеной, шурф 2 находился у северного портала храма, а шурф 3 — у юго-западного угла лестничной башни. Кроме того, был сделан новый план храма, у которого оказалась несколько увеличена относительно чертежа 1930-х гг. западная часть; этот план использован и в данной работе (он вписан в план комплекса Н. Н. Воронина).

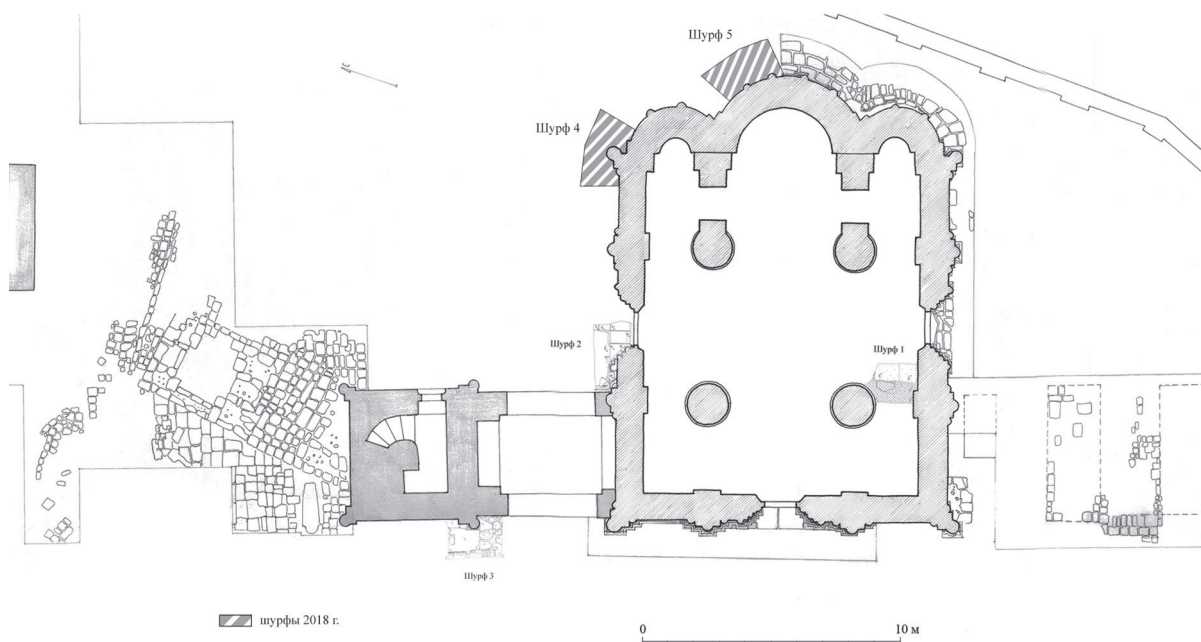
Материалы этих раскопок, в процессе которых была осуществлена подробная фотофиксация и созданы крупномасштабные чертежи с показанием основания северного портала собора и оснований лестничной башни и юго-западного подкупольного столба, были частично опубликованы (Седов, 2017б; 2017в; 2018; Вдовиченко, 2017). Кроме того, результаты раскопок и наблюдений 2015 г. вошли в специальную статью,

посвященную связи церкви Покрова на Нерли (стилистически очень близкой храму Рождества Богородицы в Боголюбове) и романского собора в Модене (Седов, 2019). Раскопки фрагментов каменной стены Боголюбова XII в. были опубликованы отдельно (Седов, 2015); архитектуры монастырского комплекса автор коснулся в специальной статье, посвященной расположению обнаруженного Н. Н. Ворониным кивория или фиала (Воронин, 1946) в композиции комплекса Боголюбова (Седов, 2017а). Однако этих данных было явно недостаточно для создания новой реконструкции фасадов собора, как не было и достаточно данных для суждений о стиле и характере профилировок нижних частей.

Поэтому в 2018 году исследования Института археологии РАН были продолжены (в них участвовала М. В. Вдовиченко, а также Ю. С. Фомичёва и Е. Н. Пророкова, выполнившие полевые и обмерные чертежи). В этом сезоне были заложены два шурфа в восточной части храма (ил. 1): шурф 4 (нумерация шурфов у храма Рождества Богородицы продолжала нумерацию шурфов 2015 г.) — у северо-восточного угла храма, и шурф 5 — у северной половины его средней абсиды. На этих местах раскопки ранее не проводились. Мы закладывали небольшие шурфы так, чтобы получить максимум информации по малоисследованным или плохо документированным восточным частям храма. В программу работ были включены и обмеры и фотофиксация западной стены памятника, открытой Н. Н. Ворониным.

Шурф 4, имевший трапециевидную форму, не сразу показал первоначальную архитектуру, однако уже на небольшой глубине стала проявляться угловая колонка храма середины XII века. Шурф был окончен на уровне предматерикового слоя (где проявились очертания могилы у стены); устройство угла древнерусского храма с угловой колонной при этом проявилось полностью. Стратиграфия стенок шурфа показывает поздние наслоения, а также, в нижней части, мощные известковые линзы времени строительства храма XII века.

Южным профилем шурфа 4 является открытый фасад храма. А в западном, северном и восточном профилях шурфа (общая глубина которого до предматерикового слоя 160 см) — следующая картина: в западном и восточном профилях дневную поверхность составляли

• Ил. 1. План церкви Рождества Богородицы и всего комплекса белокаменных зданий. По Н. Н. Воронину с дополнениями и изменениями. Показаны шурфы 1, 2 и 3 2015 г., а также шурфы 4 и 5 2018 г. (заштрихованы).

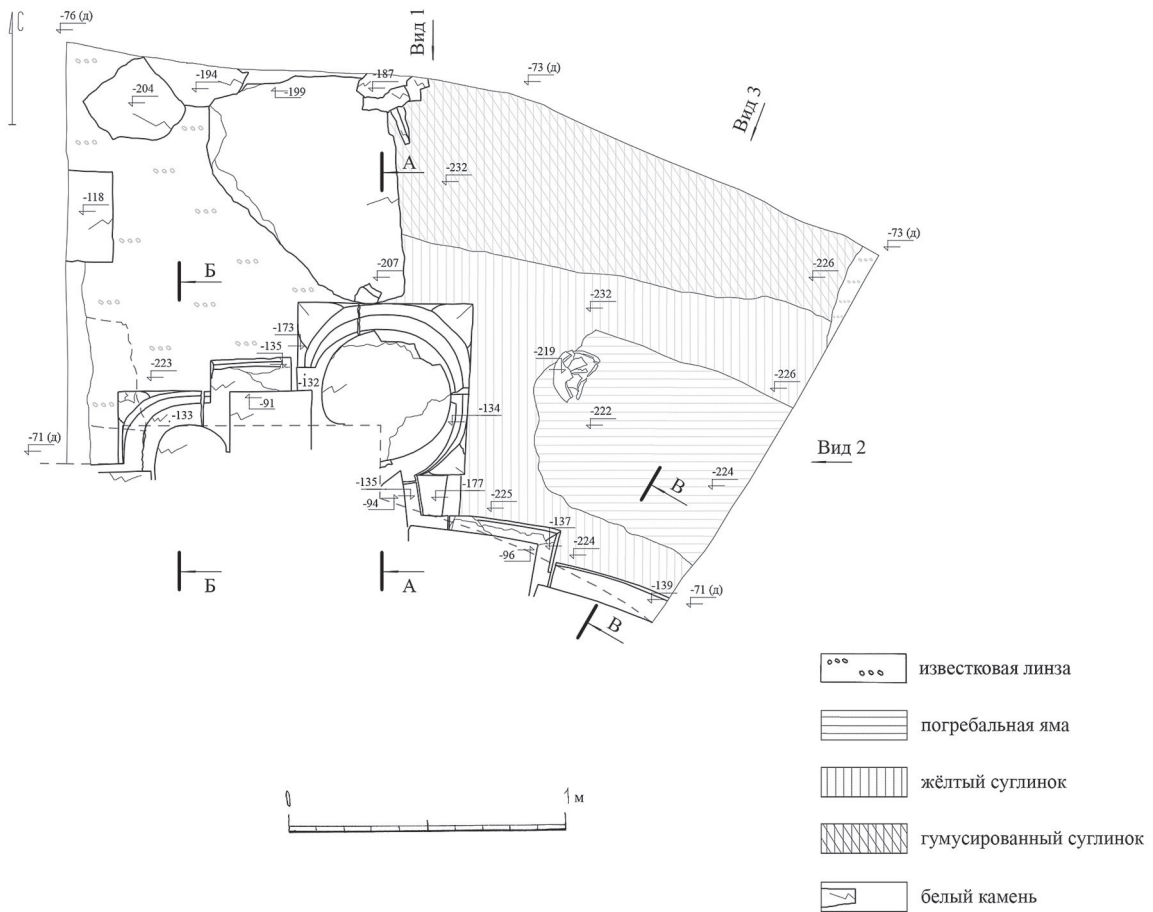
плитки отмотки, положенные на песчаную подсыпку (до 10 см), лежащую, в свою очередь, на щебеночной подсыпке (до 10 см). Под щебеночной подсыпкой наблюдается еще одна песчаная подсыпка до 15 см толщиной. Ниже этой подсыпки наблюдается слой гумусированного песка от 10 до 30 см.

В северном и прилегающей части восточного профиля читается дерновой слой до 25–30 см толщиной, ниже залегает светло-серый культурный слой (от 10 до 20 см), еще ниже — известковая линза (от 10 до 25 см). Под этой линзой в левой части северного профиля и в западном профиле прослеживается прослойка кирпичного боя (10–25 см). Под этой прослойкой в западном профиле читается небольшая известковая линза (5–8 см), а в северном и восточном профиле залегает мощная прослойка темно-коричневого культурного слоя с включениями строительного мусора (до 35 см), в которую в восточном профиле вклинивается известковая линза (10–20 см толщиной).

Ниже прослойки темно-коричневого культурного слоя с включениями строительного мусора в средней части профиля (в северном профи-

ле) и в правой части профиля прослеживается подстилающая ее известковая линза (5–7 см толщиной), еще ниже следует темно-серый культурный слой с большим количеством каменных отёсков (30–35 см), в который в западном профиле вклинивается еще одна строительная известковая линза (10–15 см). Под темно-серым слоем с отёсками в правой и левой частях профиля читается среднегумусированная известковая линза (40 см), а в средней части профиля выклинивается мощная известковая линза (до 50 см), лежащая на скоплении белокаменных глыб и связываемая нами со строительством храма XII в. Под ней в средней части профиля читается гумусированный суглинок (предматериковый слой) толщиной до 20 см, в правой части прослеживается заполнение погребения.

Архитектурные формы XII века, которые были открыты в шурфе 4, это угловая колонна с расположенной с уступом лопаткой на северном фасаде, дополненной колонкой с запада (ил. 2). С восточного фасада ни лопатки, ни колонки нет, здесь стена идет коротким уступом, причем не под прямым углом, а под тупым. Подобную форму с западанием восточных плечиков видим и в

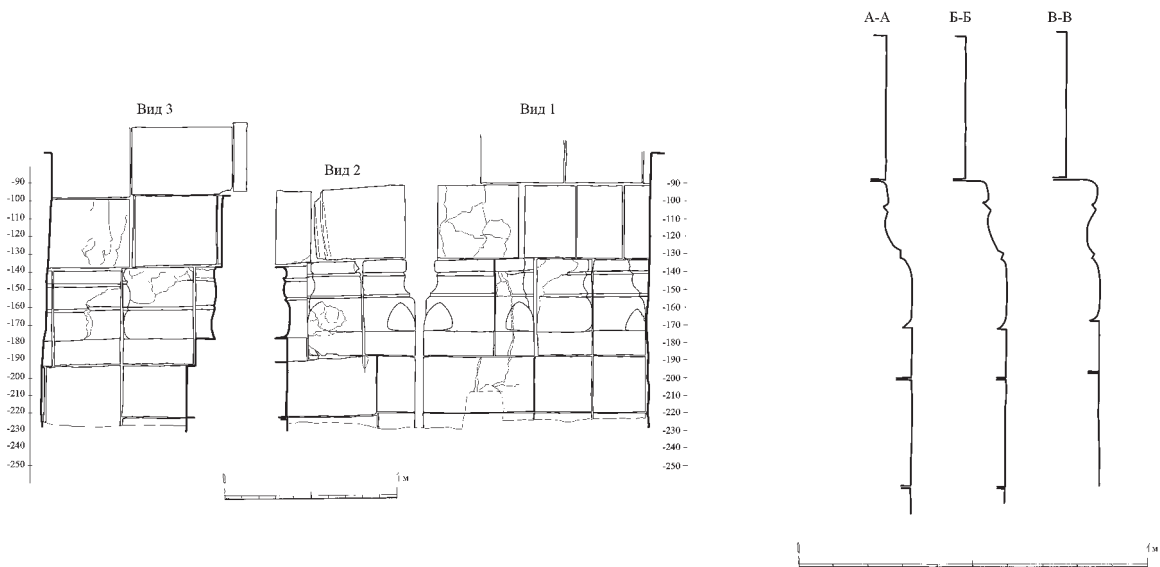
• Ил. 2. План шурфа 4 по нижнему уровню.

церкви Покрова на Нерли; это сделано, по всей видимости, для того, чтобы при взгляде с востока колонна на углу выступала больше, рельефнее вырисовывалась в сочетании с коротким отрезком восточного фасада.

Отметим также косо направленную и как будто даже круглящуюся в соответствии с абсидой лопатку в начале скругления северного бокового алтарного полукружия. Такие лопатки есть и в более ранних памятниках (Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и церковь Бориса и Глеба в Кидекше), и в практически одновременной боголюбовскому храму церкви Покрова на Нерли. Эти лопатки устраивались для того, чтобы вся поверхность абсиды воспринималась как филенка, обрамленная подобными выступами в начале скругления с обеих сторон (в местах сочленения соседних абсид они образуют соче-

тание двух лопаток, сходящихся под углом в виде «галочки»). Все эти части имеют в основании горизонтальные профилированные тяги, переходящие с уступами на изгиб абсиды и плоскость стены восточного прясла северного фасада.

На чертеже, показывающем фасады и профили открытых в шурфе 4 конструкций (ил. 3), видно, что только верхний ряд кладки относится к храму XVIII века, тогда как четыре-пять расположенных ниже рядов кладки, сложенной из белокаменных квадров с тонкими швами и как будто притертыми боковыми поверхностями, относятся к XII веку. Сохранились следующие формы (сверху вниз): ряд квадров стены, включающий часть фуста колонны и части лопатки, затем ряд квадров с очень развитым аттическим профилем, опирающимся на невысокую верхнюю часть цоколя, включенную с профилем в один

• Ил. 3. Слева: фасады в шурфе 4. Вид 1 — северный фасад храма; вид 2 — восточный фасад храма; вид 3 — фасад северной абсиды. Справа: профили в шурфе 4. А-А — профиль по колонне, Б-Б — профиль по северной стене, В-В — профиль по абсиде.

ряд, наконец, один ряд (кое-где ниже виден и второй) регулярной кладки цоколя. Отметим крупные «когти» у базы угловой колонны и более скромные — у базы дополнительной колонки на северном фасаде.

На профилях видны вариации одной темы, развивающей аттический профиль (снизу вверх): цоколь, чуть плосковатый вал, косой подруб, скоция, еще один косой подруб и завершающий валик, после которого с неким отступом выше идет стена. Профиль А-А (через угловую колонну) показывает некую норму (тут над валом устроен не косой подруб, а полочка), в проходящем через стену северного фасада профиле Б-Б заметны косые подрубы между элементами, а в профиле В-В, проходящем по северной абсиде, скоция превращается в выкружку и верхний валик не отступает относительно нижнего вала, а устроен с ним в одной плоскости. Эти тонкие различия показывают высокий уровень мастерства, что позволяет при почти стандартном наборе элементов создавать разнохарактерные участки профилей основания.

При взгляде на открытые конструкции (ил. 4) виден не очень хорошо сохранившийся верхний ряд квадров и прекрасно сохранившийся нижний ряд кладки собственно стены, в котором устроен описанный выше профиль. Интересно, что

основание колонны на углу устроено из четырех составленных блоков одного ряда, вертикальные швы которых не обязательно проходят посередине фасов. Отметим очень тщательную теску всех профилированных частей, мягкие линии скруглений, деликатное сочетание вала внизу колонны и «когтей». Все профили соседствующих частей на углу храма сделаны в одном уровне, здесь нет «подскоков», повышения уровней, какие мы наблюдаем в порталах. Яркое зрелище представляет собой скопление уступов к западу от угловой колонны, однако само основание колонны является не менее заметной формой.

Это фрагмент поистине роскошной ордерной декорации в романском стиле. Она поражает проработанностью, гармонией сменяющих друг друга профилей, соподчинением частей, главенством значащей формы, в данном случае — угловой колонны (ее основания). Хотелось бы отметить однотипность обломов, как будто протянутых (в случае с цоколями) на большом протяжении по периметру храма или повторяющихся почти в точности в значимых основаниях, таких как базы колонн с характерными деталями, называемыми «когти».

Второй шурф 2018 года, шурф 5 у северной стороны средней абсиды, был разбит так, чтобы получить максимальную поверхность стены и,

• Ил. 4. Шурф 4. Вид с севера.

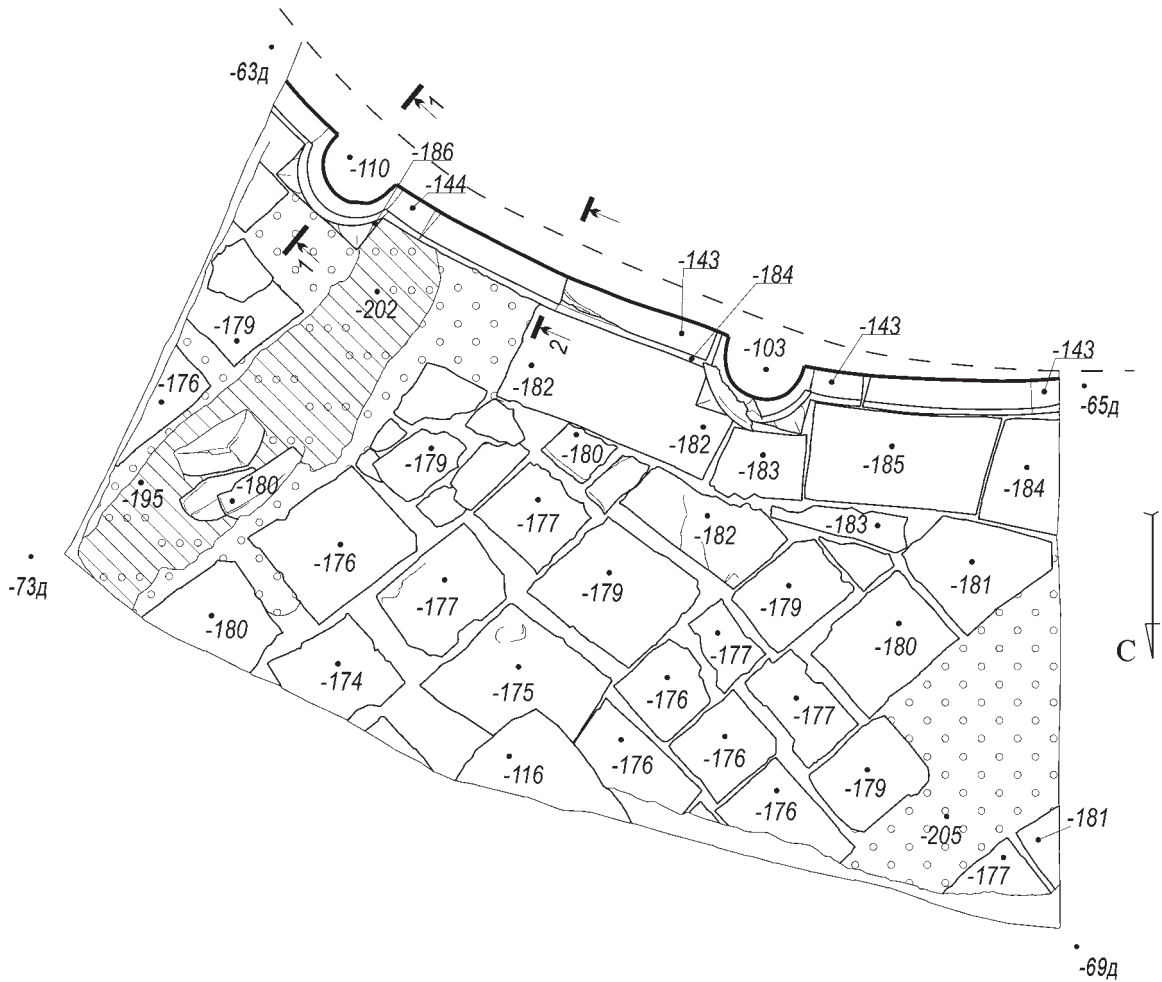
одновременно, устроить профили под прямым углом к стенам. После начала раскопок уже на уровне известковых линз времени разрушения храма и его перестройки в XVIII веке появились малые колонки (ил. 5), украшавшие фасады абсиды церкви XII в., известные по раскопкам южной части алтарных выступов, произведенным Н. Н. Ворониным.

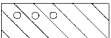
Открывшаяся в шурфе 5 стена средней абсиды представляет собой круглящуюся поверхность (ил. 6) с двумя выступающими из нее колонками шириной около 23 см; колонки сохранились только в двух рядах кладки — сверху это еще часть фуста колонки, а нижний ряд уже представляет собой базу, состоящую (снизу вверх) из скругленного основания с «когтями», косой подсечки, вогнутой скоции, еще одной подсечки и верхнего валика. Все это сделано из единого блока. К колонкам примыкает пояс основания стен, имеющий схожий с ними аттический профиль (снизу вверх): вал, подсечка, скоция, подсечка, валик; этот пояс как будто обвязывает, обходит низ колонн.

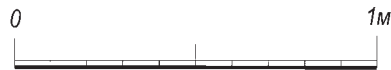
И здесь мы имеем два варианта однотипного профиля (ил. 7). Отметим, что у колонок под нижним валом резче выражена подсечка, кроме того, и скоция читается именно как скоция (сечение 1-1), тогда как у профиля основания стены подсечка внизу слабее, скоция ближе к выкружке, отрицательному полуvalu, а верхний валик имеет больший, чем у колонок, уступ по отношению к вертикали стены (сечение 2-2).

Высота ряда с профилем и базами около 43 см. Плиты вымостки примыкают прямо к низу баз колонок и низу профиля на стенах. Там, где плиты отсутствуют, виден верхний ряд цоколя, который, как выясняется, был прикрыт мощением. Профили баз лопаток и профили основания стен, соединенные в ленту с совпадающими профилями, представляют великолепное зрелище, редкое как по богатству профилировок, так и по тщательности техники обработки камня.

В профилях шурфа 5 наблюдаются следующие слои и прослойки (сверху вниз, общая толщина открытых напластований 120 см): справа и слева видны отмостки с песчаной, щебеночной

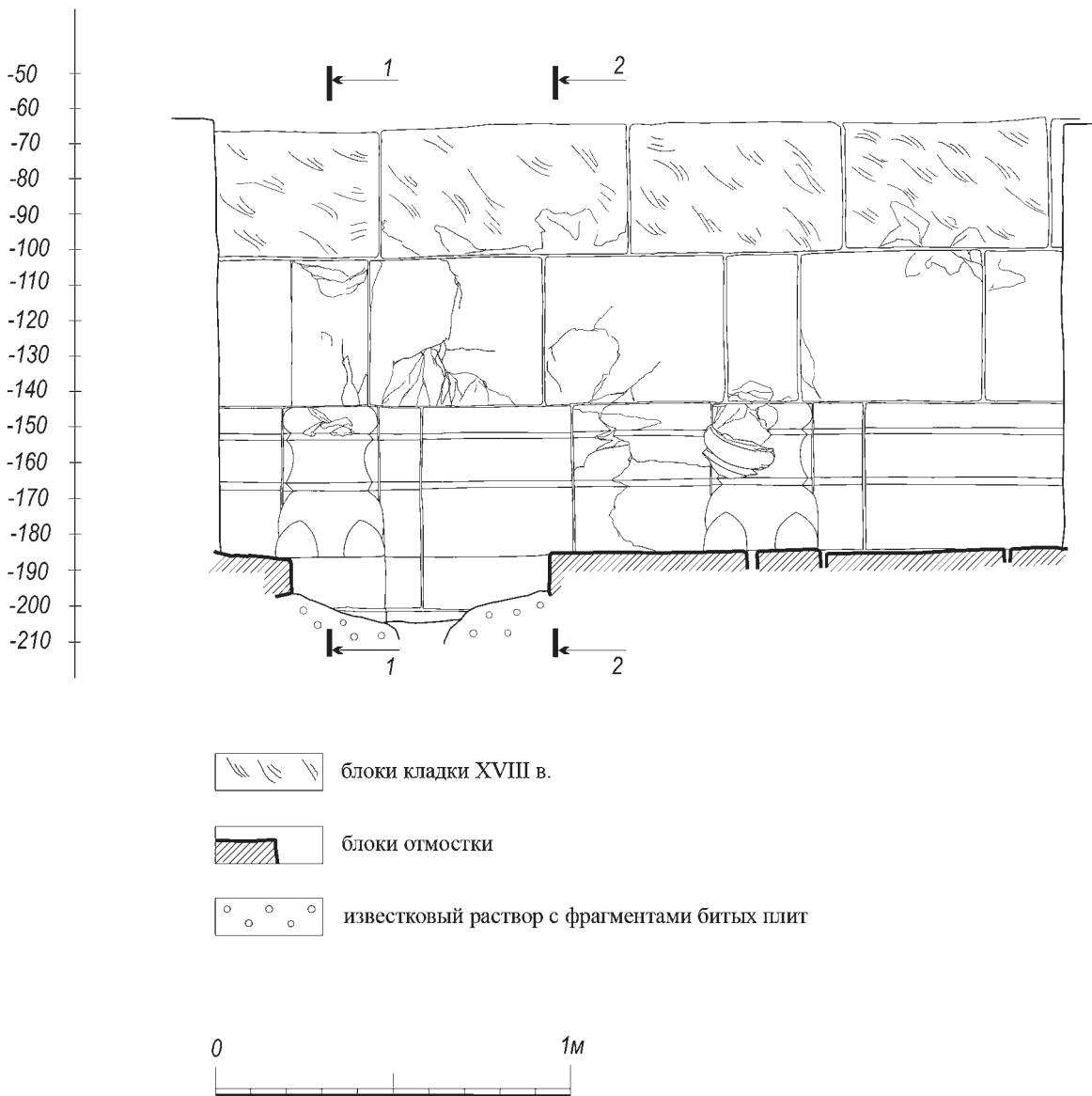
- известковая линза (известковый раствор с фрагментами битых плит)
- гумусированная известковая линза

• Ил. 5. Шурф 5. План по нижнему уровню.

и еще одной песчаной подсыпками, в средней части профилей (северный профиль) под дерном залегает погребенный дерн, заходящий и под нижние песчаные подсыпки отмосток. Ниже этого дерна или в его уровне залегает мощная прослойка кирпичного боя (до 20 см), еще ниже располагается темно-коричневый культурный

слой с включениями строительного мусора (общая толщина с включениями 50 см). В этот слой вклиниваются, а иногда простилают его известковые строительные линзы, связанные с несколькими ремонтами; нижняя линза, возможно, относится со строительством начала XVIII в. Под этой линзой, прямо на камнях вымостки XII в.,

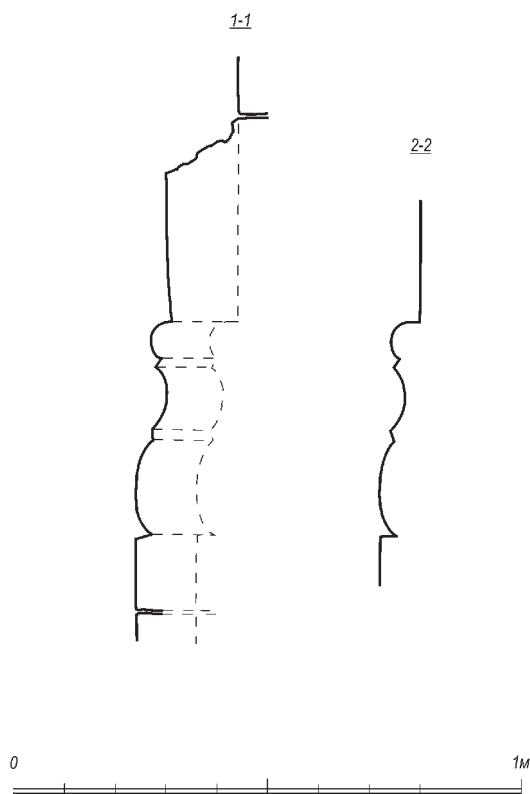
• Ил. 6. Шурф 5. Фасад стены средней абсиды.

залегал темно-серый культурный слой с включениями строительного мусора (от 20 до 30 см). В профиле видны плиты этой древней вымостки, положенные на известковой прослойке, толщина плит мощения 12–15 см.

Отдельно следует сказать о мощении перед восточной частью храма Рождества Богородицы, открытом в шурфе 5 2018 г. Н. Н. Воронин на основании своих раскопок 1934–1938 гг. писал: «Замковый двор был выстлан белокаменными плитами, причем поражает тщательность их ни-

велировки, рассчитанной на отвод атмосферных осадков к склону замковой горы; в проездом пролете перехода уцелел белокаменный желоб, собиравший воды с поверхности двора. Вымостка обходила вокруг башни и собора и покрывала, очевидно, всю дворцовую площадь» (Воронин, 1939а. С. 68).

Нужно сказать, что открытая нами в 2018 г. вымостка площадки у храма (мы будем все же называть ее именно площадкой, поскольку размер ее не вполне ясен, а потому называть ее площа-

• Ил. 7. Шурф 5. Профили. 1-1 — профиль через колонку, 2-2 — профиль стены.

дью несколько преждевременно) была устроена так, что это мощение прямоугольного рисунка, осями не связанное с храмом, стены которого в этом месте круглятся абсидами, примыкало к прямоугольным плитам с более тщательной тёской, примыкавшим к низу цоколя самого храма и создававшим переход от здания к площади. Длина этих блоков, примыкающих к стенам, около 50 см, ширина — около 10 см. Углы у колонок заполнены небольшими треугольными плитами. Белокаменные же блоки мощения площадки — тоже прямоугольные, но не столь вытянуты, они ближе по форме к квадрату или несильно вытянутому прямоугольнику и имеют размеры примерно 20 × 30 или 30 × 40 см. Эти блоки были положены на известковую подушку, обнаружившуюся там, где блоки были утрачены: в западной части и вокруг канавки, образовавшейся от выбранного когда-то ряда плит и проходящей с востока на запад в восточной части шурфа. В этой канавке слой известковой подушки был

утрачен, а под ним обнажилась гумусированная известковая линза.

Подобное мощение было зафиксировано Н. Н. Ворониным к востоку от храма во время раскопок 1934–1935 гг.: прямоугольные блоки вдоль стен и несколько более свободное мощение, прилегающее к этим блокам, показаны на сводном чертеже церкви Рождества Богородицы и на фотографии с видом колонок южной части средней абсиды. Мы не знаем, насколько далеко это мощение распространялось к востоку от храма, как не знаем и границ его с севера и востока. Представляется, что исследование этой средневековой площадки к востоку от храма могло бы выявить интереснейший и сохранившийся объект древнерусского благоустройства, свидетельствующий о значении Боголюбова.

Открывшаяся в шурфе у абсиды картина кажется фантастической (ил. 8): здесь все сохранилось, все как будто приготовлено к раскрытию на гораздо большей площади и даже к последующей музеефикации.

Открытая картина членений абсиды и северо-восточного угла была вписана в общую систему северного фасада церкви Рождества Богородицы в Боголюбове (ил. 9). Это предварительная и фрагментарная реконструкция, которая еще может быть подвергнута пересмотру.

Мы уже упомянули о том, что раскопки Н. Н. Воронина включали раскоп у западного фасада храма, который и сейчас открыт, туда организован спуск. Но эта часть храма не была обмеряна, существуют только сделанные Н. Н. Ворониным несколько фотографий и обмер западного портала. Этого было явно недостаточно для изучения форм храма. Поэтому во время работ 2018 г. мы осуществили обмер всей западной линии храма, а также сделали отдельные чертежи деталей и узлов западной стены.

Нами был обмерян северо-западный угол храма, где хорошо сохранилось основание угловой колонны, наложенной на лопатку, фланкированную с юга дополнительной колонкой; северная лопатка закрыта кладкой основания перехода. Мы изучили также расположенную к северу от западного портала среднюю лопатку с выступающей полуколонной и меньшими колонками. Отдельно было обмеряно северное прясло западной стены между средней и угловой лопатками.

Мы уже говорили, что Н. Н. Воронин обмерял западный портал храма; он отметил на нем

• Ил. 8. Шурф 5. Вид с северо-востока.

основания от гвоздиков, вбитых в белый камень. Исследователь считал, что гвоздиками прибивалась бронзовая позолоченная обивка портала.

В процессе исследований был проведен повторный обмер западного портала (ил. 10, 11). На фасадах были обозначены гвоздики древней обивки, которых оказалось несколько больше, чем на чертеже Н. Н. Воронина, и которые есть только с западной стороны (на боковых сторонах их практически нет). На боковой стороне южной половины портала есть след только одного гвоздика; очевидно, что обивка в верхней части загибалась только на первую колонку, где есть этот гвоздик, а в нижней части гвоздики находим на базах первой, второй и третьей колонн.

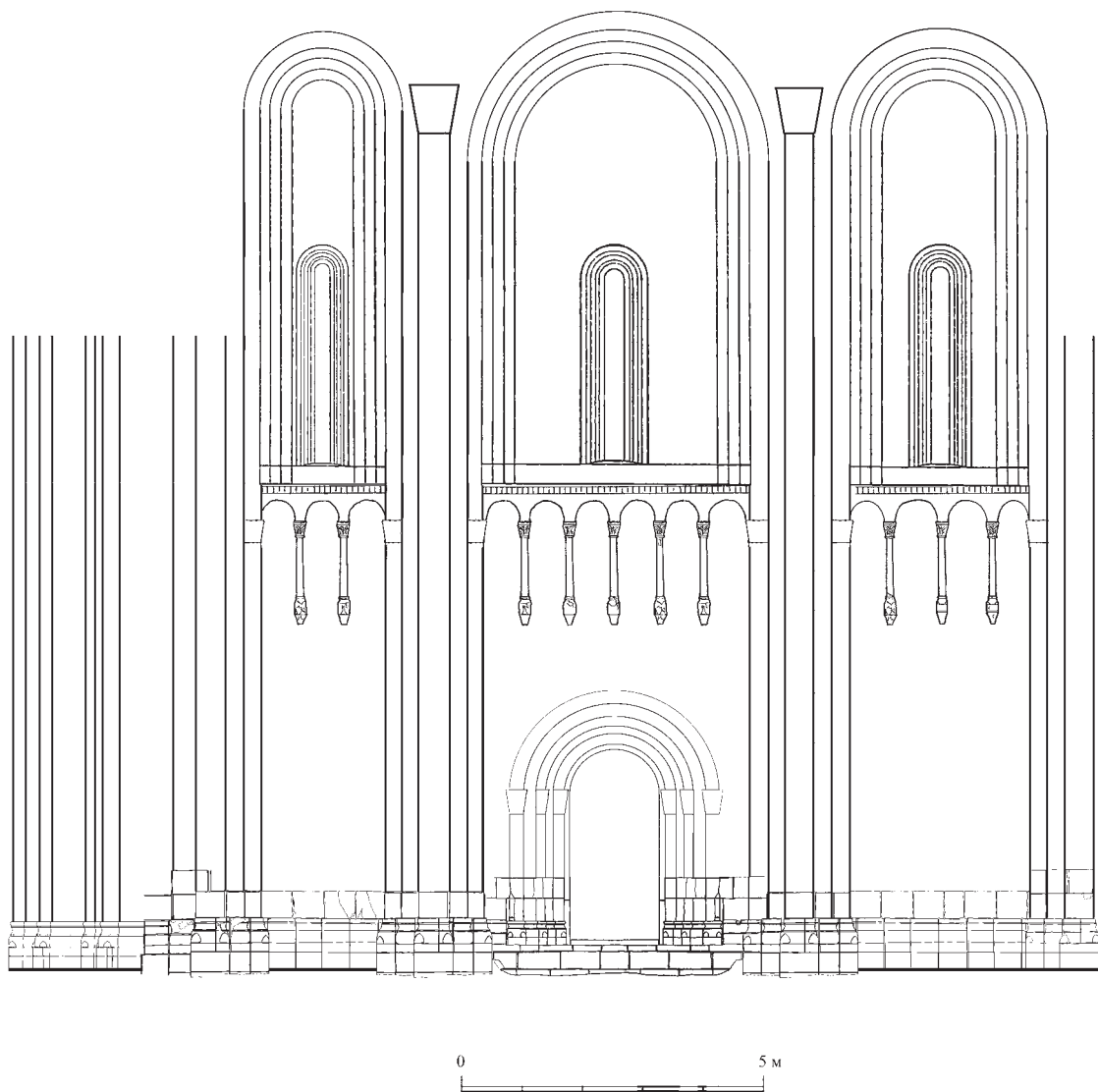
Были внимательно изучены профили цоколя стен и оснований малых и больших колонок (ил. 12). Профили в основном однотипные, они показывают небольшие различия (особенно в области скоции, в некоторых случаях превращающейся в выкружку: профиль 1-1 — через отрезок прямой стены, и профиль 5-5 — через прямой уступ западного портала, который может быть условно приравнен к от-

резку стены), что было замечено и на северном фасаде.

В результате работ 2018 года все отдельные части обмера были сведены в общий план и фасад всех видимых частей раскрытой Н. Н. Ворониным части западного фасада (ил. 13); на этом плане показаны места сечений, показавших профилировку отдельных частей.

Отметим также мощение перед западным порталом из крупных белокаменных плит, которое не было отражено ни в чертежах, ни в текстах Н. Н. Воронина. Это мощение, безусловно, древнее, сложено из потрескавшихся прямоугольных блоков с заполнением подогнанными по форме и размеру камнями разной формы, оно соединено раствором с площадкой перед порталом, его плоскость продолжает плоскость перед порталом. Мощение выступает перед западным фасадом прямоугольным в плане «язычком» примерно на 220 см, ширина площадки 155 см.

Подобных мощений перед порталом в древнерусской архитектуре мы практически не знаем, можно указать только на одну найденную нами аналогию: похожее мощение, только даже

• Ил. 9. Северный фасад церкви Рождества Богородицы. Внизу — известные на настоящий момент части, выше — предварительная реконструкция.

из более крупных плит, есть в так называемом Борисоглебском соборе Старой Рязани (ил. 14) — перед открытым в 1940-е годы западным притвором (Монгайт, 1955. С. 79, 80. Ил. 46, 47).

Эти вымостки и в Боголюбове, и в Рязани отмечают главный вход. Отметим, что в церкви Рождества Богородицы в Боголюбове перед боковыми порталами такого мощения нет.

Небольшие исследования были проведены на втором этаже лестничной башни. А. И. Некрасов в 1920-е гг. предложил следующую последо-

вательность строительства собора, северного перехода и башни. Он считал, что сначала был построен собор, потом к нему прислонили переход с аркатурно-колончатый фризом с трех сторон (в том числе с той, которая сейчас выходит во второй уровень башни внутри нее). Аргументация ученого такая: «Мы вошли в придел в «воротах», то есть под княжеской комнатой, и увидели следующее: арки ворот, образуя крещатый свод, были первоначально открыты на три стороны, с четвертой стороны прислонившись к

церкви. <...> Переход был сделан позднее храма и перебил его фриз.

Если комната на столбах с выходом на хоры была сделана позднее церкви, то для чего она сделана и с нею ли вместе сделана башня?

Когда мы поднимемся по винтовой лестнице на верхнюю площадку башни, крытую также крещатым (на самом деле крестовым — В. С.) сводом, то увидим, что стенка, соседняя с княжеской комнатой, слева имеет пролет для входа, а справа аркатурный фриз с двумя колонками на отливе, причем от третьей арки осталась лишь половина, так как она перешиблена. Но княжеская комната, крытая полным парусным сводом, имеет снаружи с обеих сторон также аркатурный фриз с колонками на отливе, по своему положению на высоте стены связанный с фризом внутренним, нами отмеченным. Иначе говоря, было время, когда княжеская комната не была придавлена башней и фриз свободно обходил ее с трех сторон. Попадали в эту комнату по деревянной лестнице, а уже позднее... она была заменена каменной витой, по романскому типу, заключенной в четырехугольной башне» (Некрасов, 1924. С. 37–39).

Н. Н. Воронин в статье 1939 г. повторил выводы А. И. Некрасова и схожим образом описал последовательность сооружения зданий комплекса: «Дворцовый переход был пристроен к башне после того, как последняя была окончательно отделана, следуя той постепенности постройки отдельных элементов княжеского двора, которая наблюдалась и ранее: сначала — собор, затем — переход на хоры, к нему пристраивается лестничная башня и, наконец, северное крыло дворцового перехода. Тем не менее, это — строительство одного времени, и каждая его постройка связана общей идеей дворцового ансамбля, вплоть до своих деталей» (Воронин, 1939а. С. 69).

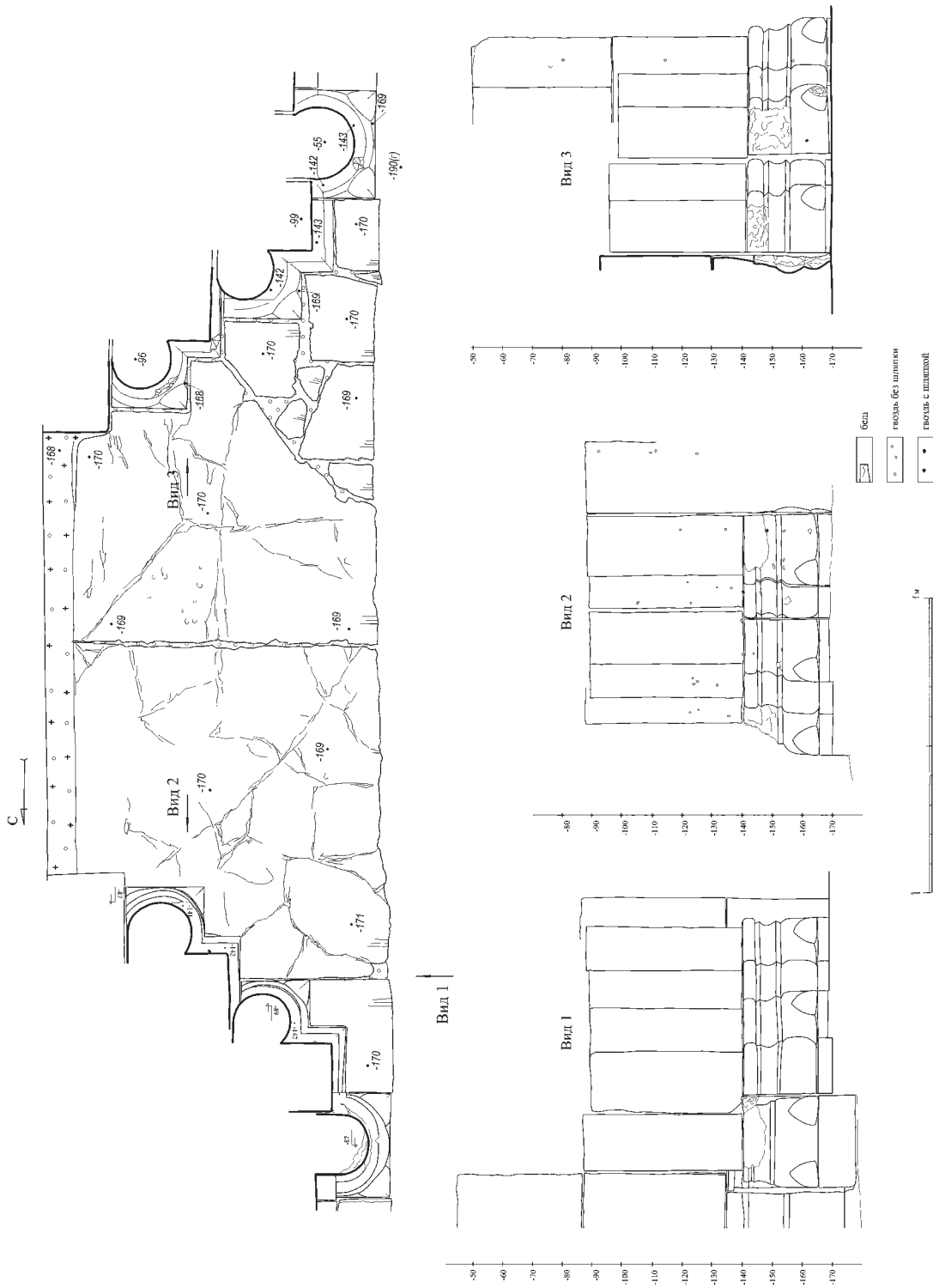
Нужно сказать, что эта последовательность совершенно невозможна: переход на хоры на четырех столбах был построен действительно несколько позже собора (может быть, на следующий год), к которому он прислонен и цокольную тягу которого он разрушил (как это было установлено нашими раскопками 2015 г.), тогда как аркатурно-колончатый фриз собора он просто заслонил.

Однако этот переход на хоры перевязан с башней, то есть она не прислонена к нему, а обе

эти части представляют собой одно здание, выполненное в одной технике кладки и являющееся единым массивом. То, что внутри башни со стороны перехода есть такой же аркатурно-колончатый пояс на отливе, как и на боковых сторонах перехода, означает лишь то, что мастера, строившие комплекс, мыслили комплексно, украшая и те части, которые были внутри, и те, что были снаружи. Здесь логика могла быть такой: поднявшись по винтовой лестнице башни, князь (или другой посетитель) видел стену, прорезанную слева арочным проемом, а справа украшенную аркатурно-колончатым поясом. Такие же пояса украшали переход извне, но это было понятно только мастерам, которые строили весь комплекс, тогда как князь видел лишь украшенную стену с проходом в переход, из которого другой арочный проем вел на хоры церкви. Так что здесь мы имеем дело с монолитом из перехода и башни, в декорировании которого соблюдается определенная целостность.

Аркатурно-колончатый пояс внутри башни, неизученный и не обмеренный фрагмент первоначальной архитектуры, был нами внимательно осмотрен и обмерян (ил. 15); этот обмер дополняет наши сведения об архитектуре храма, а также о капителях аркатурных поясов. То, что справа этот отрезок аркатурно-колончатого пояса оканчивается фрагментом и закрыт западной стеной, подходящей к углу, не должно нас смущать и приводить к выводу о последовательном возведении отрезков. Здесь мы имеем дело с единой структурой, объединяющей переход и лестничную башню: шва между ними нет, кладка перевязана. Это значит, что фрагментарность отрезка аркатуры была умышленной: она как будто была задумана «закрытой» справа, что произошло не в результате ошибки или нерасчёта. Это, скорее, особенность проектирования, при которой мы измеряем всю длину стены, с дверным проемом и плоскостью справа, но измеряем без учета подходящих стен: дверь слева заставила «подвинуться» вправо аркатурно-колончатый пояс — и часть его «ушла в стену».

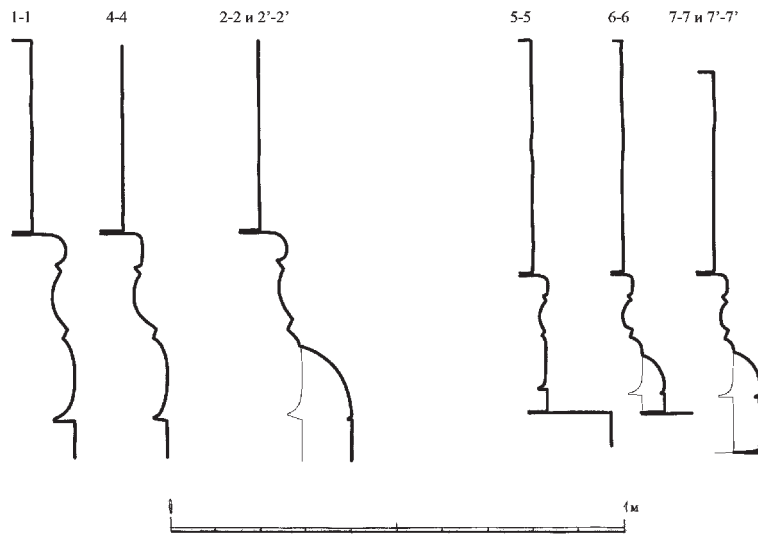
Великолепная в деталях и романская по стилю архитектура нижних частей церкви Рождества Богородицы в Боголюбове, построенной в середине XII столетия, показывает, что изучение этого храма далеко не закончено, его следует исследовать во всех деталях и подробностях, составляя постепенно каталог сохранившихся форм,

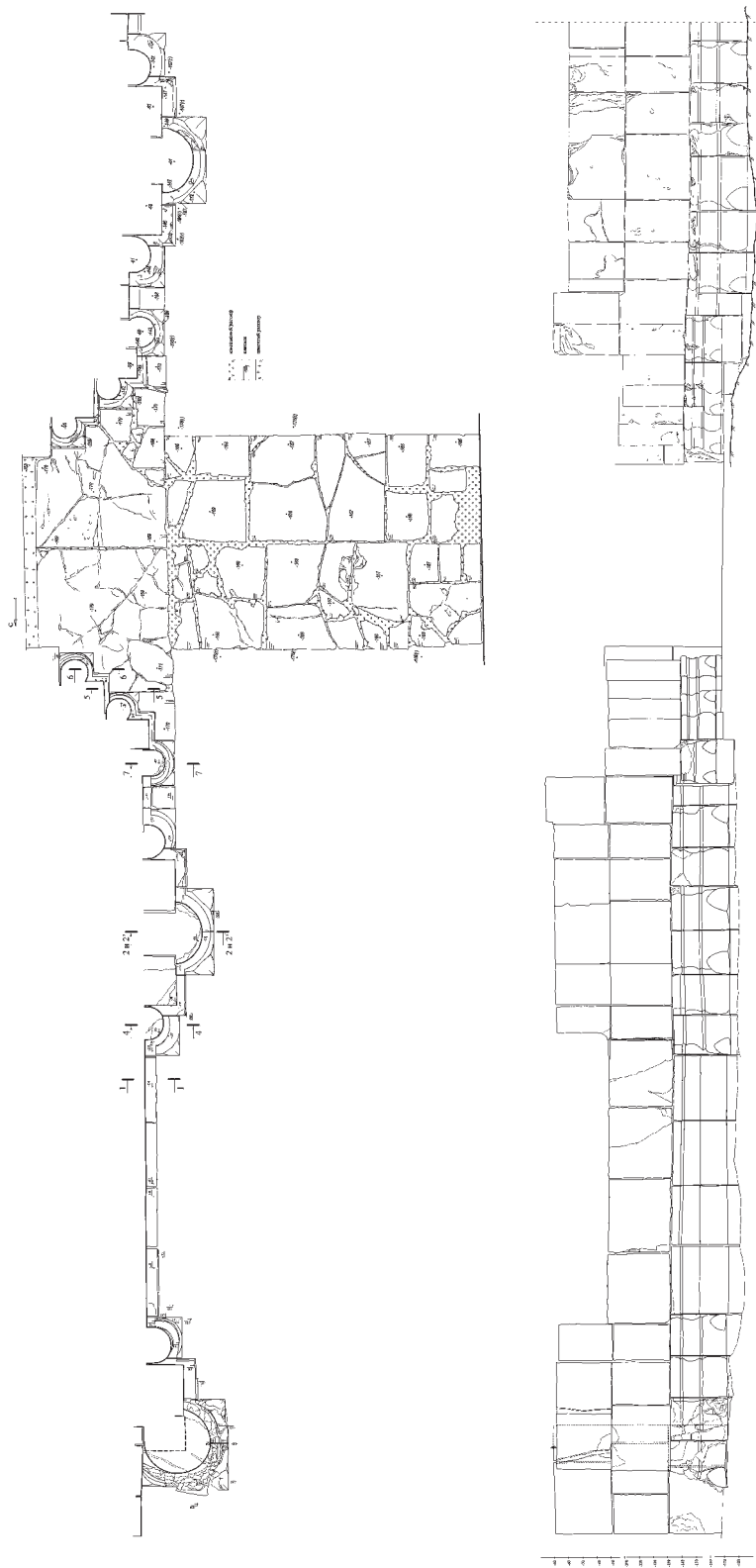
• Ил. 10. Западный портал. План. Вид 1 — фасад северной части портала (вид с юга), вид 2 — фасад северной части портала (вид с запада), вид 3 — фасад южной части портала (вид с севера).

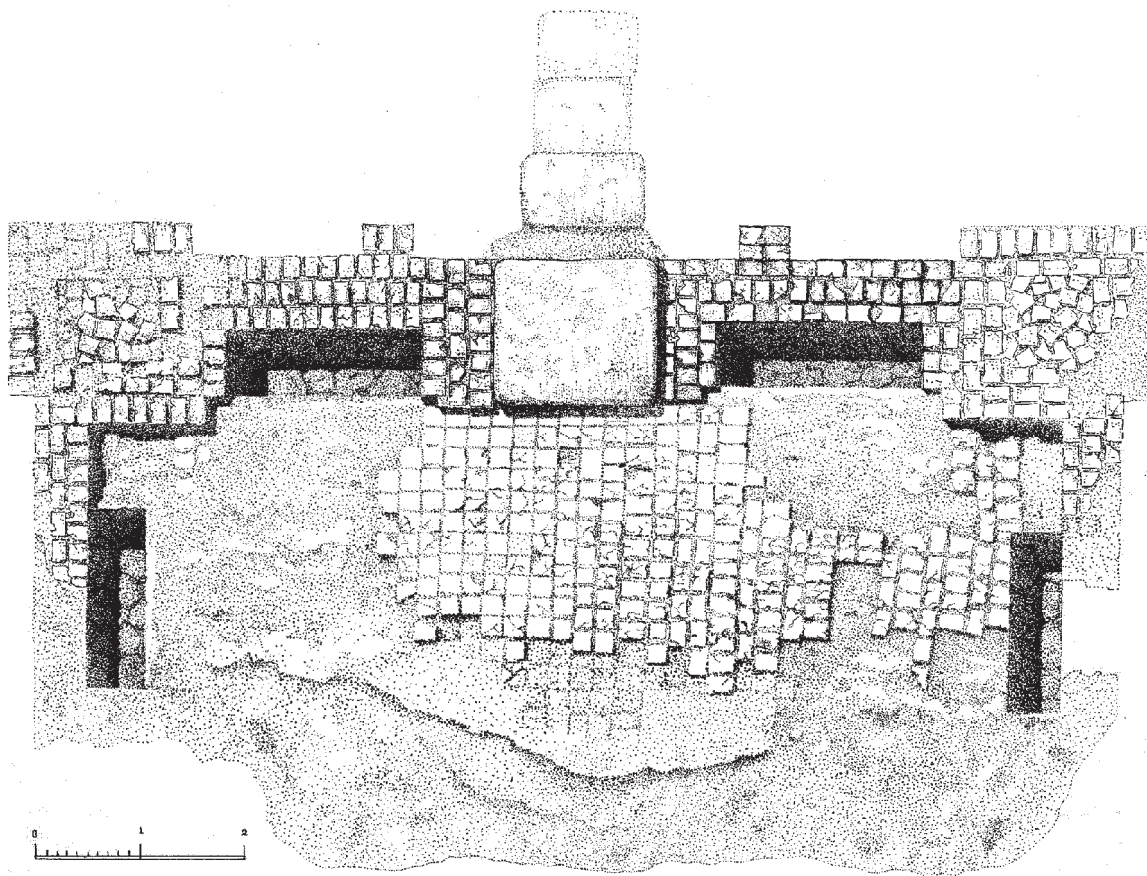
• Ил. 11. Западный портал. Южная половина. Вид с запада.

• Ил. 12. Профили западного фасада. 1-1 — профиль через стену, 4-4 — профиль через северную малую колонку у северной полуколонны, 2-2 и 2'-2' — профиль через северную полуколонну (прямо и через коготь), 5-5 — профиль через прямой уступ западного портала, 6-6 — профиль через колонку портала, 7-7 и 7'-7' — профиль через малую колонку портала (прямо и через коготь).

• Ил. 13. План западной стены церкви (вверху) и фасад западной стены (внизу).

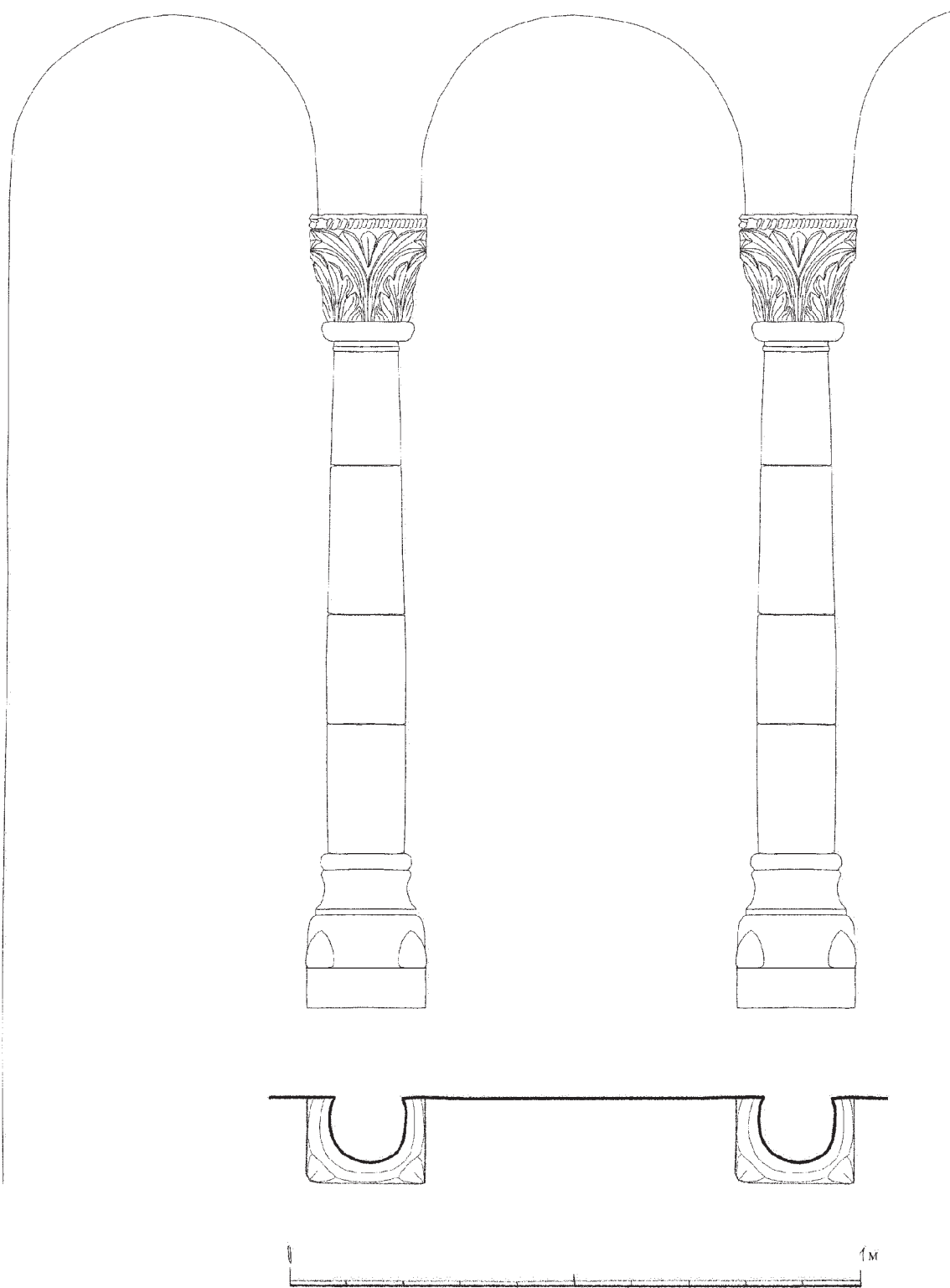

• Ил. 14. План притвора так называемого Борисоглебского собора в Рязани (Старой Рязани). По А. Л. Монгайту.

позволяющих судить с большой достоверностью о стиле этого великолепного сооружения. Но уже сейчас, сведя воедино данные Н. Н. Воронина и наших исследований 2015 и 2018 годов, можно говорить об исключительном качестве резных профилей основания стены, баз колонок и самих колонок. Можно говорить об общем, почти унифицированном подходе к обработке нижней части стен. Между профилировкой отдельных участков наблюдаются лишь незначительные различия, вызванные положением того или иного отрезка; эти различия подчеркивают единый характер аттических профилей оснований, единый характер баз с «когтями», схожий характер перспективных порталов.

Единство и сложность (можно говорить даже о богатстве) профилировки и другой обработки основания стен церкви в Боголюбове в тот же период находят себе аналог только в расположенной неподалеку церкви Покрова на Нерли.

В дальнейшем это качество мы обнаруживаем во Владимире в Дмитриевском соборе 1190-х годов. В итальянской архитектуре романского стиля, которая дала основные формы архитектуры времени князя Андрея Боголюбского, столь последовательно выдержанных по всему периметру профилировок основания стен мы практически не находим. Это связано с тем, что в больших соборах профилировка делалась отрывками и не была столь изощренной. Однако в небольшом храме середины XII в. (около 1154 г.) в Граведоне (La Lombardia, 1978. P. 197–220) в области Ломбардия мы находим схожий прием размещения профилированного основания по всему периметру постройки. Возможно, найдутся и другие подобные памятники. Однако и на их фоне обработка оснований стен церкви Рождества Богородицы в Боголюбове останется великолепным примером княжеского заказа, воплощенного необыкновенными мастерами.

• Ил. 15. План и фасад аркатурно-колончатого пояса внутри лестничной башни на южной стене.

Список литературы

- Аристарх (игумен). Летопись Боголюбова монастыря с 1168 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767–1769 годах / сообщ. Леонид (архимандрит) // Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1878. Кн. 1, отд. 1. С. 1–24.
- Вдовиченко М. В. Фрагменты фундаментов XII века собора Рождества Богородицы в Боголюбове, раскрытые в ходе работ 2015 года // КСИА. 2017. Вып. 249, ч. II. С. 151–169.
- Воронин Н. Н. Замок Андрея Боголюбского // Архитектура СССР. 1939а. № 11. С. 66–69.
- Воронин Н. Н. О дворце Андрея Боголюбского в Боголюбове // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1939б. Вып. II. С. 29–30.
- Воронин Н. Н. Гор. Владимир и с. Боголюбово // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 96–100.
- Воронин Н. Н. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1945. Вып. XI. С. 78–86.
- Воронин Н. Н. Боголюбовский киворий // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 55–66.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. XII столетие. М.: изд-во АН СССР, 1961. 583 с.
- Иоаннисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти О. И. Подобедовой. М.: Северный паломник, 2005. С. 31–70.
- Иоаннисян О. М. Андрей Боголюбский и Западная Европа. Опыт исторической реконструкции (К вопросу о возможностях памятников зодчества как исторических источников) // «Хвалам достойный». Андрей Боголюбский в русской истории и культуре / сост. М. Е. Родина. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2013. С. 145–167.
- Иоаннисян О. М. Зодчество второй половины XII века // История русского искусства. Т. 2, ч. 2. Искусство второй половины XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 78–118.
- Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: изд-во АН СССР, 1955. 228 с.
- Некрасов А. И. Из суздальско-владимирских впечатлений // Среди коллекционеров., 1924. № 5–6 (май – июнь). С. 33–40.
- Седов Вл. В. Каменные стены Боголюбова. Исследования 2015 года // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 191–202.
- Седов Вл. В. Боголюбовский киворий: фиал и проблема интерпретации комплекса // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2017а. С. 397–414.
- Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. 2017б. Вып. 249, ч. II. С. 131–150.
- Седов Вл. В. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. 2017в. Вып. 246. С. 56–69.
- Седов Вл. В. Скульптурный фрагмент с мордой зверя из Боголюбова // Земли родной минувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева / ред.: И. Н. Кузина, А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 52–61.
- Седов Вл. В. Церковь Покрова на Нерли и собор в Модене // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 3 (май – июнь). С. 161–181.
- La Lombardia / testo di Sandro Chierici; fotografie di Zodiache. Milano: Jaca book, 1978. 389 p. (Italia romanica; vol. 1).

References

- Aristarkh. Letopis' Bogolyubova monastyrya s 1168 po 1770 god, sostavlenneya po monastyrskim aktam i zapisyam nastoyatelem onoy obiteli igumenom Aristarkhom v 1767–1769 godakh // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh, 1878. Kn. 1, отд. 1. P. 1–24.
- Ioannisyan O. M. Romanskie istoki zodchestva Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi vremeni Andrey Bogolyubskogo (Germaniya ili Italiya?) // Vizantiyskiy mir: Iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nye traditsii. K 2000-letiyu khristianstva. Pamyati O. I. Podobedovoy. Moscow: Severnyy palomnik, 2005. P. 31–70.
- Ioannisyan O. M. Andrey Bogolyubskiy i Zapadnaya Evropa. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii (K voprosu o vozmozhnostyakh pamyatnikov zodchestva kak istoricheskikh istochnikov) // «Khvalam dostoynyy». Andrey Bogolyubskiy v russkoy istorii i kul'ture / comp. M. E. Rodina. Vladimir: Gosudarstvennyy Vladimiro-Suzdal'skiy muzey-zapovednik, 2013. P. 145–167.
- Ioannisyan O. M. Zodchestvo vtoroy poloviny XII veka // Istoriya russkogo iskusstva. 2, 2. Iskusstvo vtoroy poloviny XII veka. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovoznaniya, 2015. P. 78–118.
- La Lombardia / testo di Sandro Chierici; fotografie di Zodiache. Milano: Jaca book, 1978. 389 p. (Italia romanica; 1).
- Mongayt A. L. Staraya Ryzan'. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 228 p.

- Nekrasov A. I. Iz suzdal'sko-vladimirskikh vpechatleniy // Sredi kollektionerov. 1924. № 5–6 (may – iyun'). P. 33–40.
- Sedov V. V. Kamennye steny Bogolyubova. Issledovaniya 2015 goda // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2015. 241. P. 191–202.
- Sedov V. V. Bogolyubovskiy kivoriy: fial i problema interpretatsii kompleksa // Svyataya voda v ierotopii i ikonografii khristianskogo mira / ed., comp. A. M. Lidov. Moscow: Feoriya, 2017a. P. 397–414.
- Sedov V. V. Lestnichnaya bashnya v Bogolyubove (po materialam raskopok 2015 goda) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017b. 249, II. P. 131–150.
- Sedov V. V. Severnyy portal sobora Rozhdestva Bogoroditsy v Bogolyubove // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017b. 246. P. 56–69.
- Sedov V. V. Skul'pturnyy fragment s mordoy zverya iz Bogolyubova // Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu Andreyevy Evgen'evicha Leont'eva / ed. I. N. Kuzina, A. V. Chernetsov. Moscow: IA RAN, 2018. P. 52–61.
- Sedov V. V. Tserkov' Pokrova na Nerli i sobor v Modene // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2019. № 3 (may – iyun'). P. 161–181.
- Vdovichenko M. V. Fragmenty fundamentov XII veka sobora Rozhdestva Bogoroditsy v Bogolyubove, raskrytye v khode rabot 2015 goda // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017. 249, II. P. 151–169.
- Voronin N. N. Zamok Andreyevy Bogolyubovskogo // Arkhitektura SSSR. 1939a. № 11. P. 66–69.
- Voronin N. N. O dvortse Andreyevy Bogolyubovskogo v Bogolyubove // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. 1939b. II. P. 29–30.
- Voronin N. N. Gor. Vladimir i s. Bogolyubovo // Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. P. 96–100.
- Voronin N. N. Osnovnye voprosy rekonstruktsii Bogolyubovskogo dvortsa // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. 1945. XI. P. 78–86.
- Voronin N. N. Bogolyubovskiy kivoriy // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. 1946. XIII. P. 55–66.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. I. XII stoletie. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 583 p.

Illustrations

Fig. 1. Plan of the church of the Nativity of the Theotokos and the whole complex of limestone building (based on N. N. Voronin's version, with amendments and additions.

Shown are test shafts 1, 2 and 3, 2015, as well as shafts 4 and 5, 2018. (shaded).

Fig. 2. Plan of shaft 4 at its lowest.

Fig. 3. On the left: facades seen in shaft 1. Perspective 1 — the northern facade of the church; perspective 2 — the eastern facade of the church; perspective 3 — the facade of the northern apse. On the right: profiling in shaft 4: A-A — profile along the column, B-B — profile along the north wall, B-B — profile along the apse.

Fig. 4. Shaft 4. A view from the north.

Fig. 5. Shaft 5. Plan at the lowest level.

Fig. 6. Shaft 5. Facade of the middle apse wall.

Fig. 7. Shaft 5. Profiling. 1-1 — profile beyond an engaged column, 2-2 — profile of a wall.

Fig. 8. Shaft 5. A view from the north-east.

Fig. 9. The northern facade of the church of the Nativity of the Theotokos. Below, its fragments currently known; above, a tentative reconstruction.

Fig. 10. Plan of the western portal. Perspective 1 — facade of the northern part of the portal (view from the west), perspective 2 — facade of the northern part of the portal (view from the south), perspective 3 — facade of the southern part of the portal (view from the north).

Fig. 11. Southern half of the western portal. A view from the west.

Fig. 12. Profiling on the western facade. 1-1 — profile across the wall, 4-4 — profile across the northern small column near the north semi-column, 2-2 and 2'-2' — profile across the northern semi-column (directly and via the talon), 5-5 — profile across the straight ledge on the western portal, 6-6 — profile across the engaged column of the portal, 7-7 and 7'-7' — profile across the small engaged column of the portal (directly and via the talon).

Fig. 13. Plan of the north wall of the church (above) and the facade of the west wall (below).

Fig. 14. Plan of the antechurch of the Sts. Boris and Gleb's cathedral in Old Ryazan (by A. L. Mongait).

Fig. 15. Plan and facade of the blind arcade inside the stairwell tower on the south wall.

VI. V. Sedov. Architectural and archaeological studies of the Nativity of the Theotokos church in Bogolyubovo (2018)

Abstract. The article presents the outcome of an archaeological study and on-site work held at the church of the Annunciation of the Theotokos in Bogolyubovo – a mid-12th century monument of limestone architecture of the Vladimir and Suzdal' Principality. At the beginning of the 18th century the church collapsed and was soon rebuilt

from scratch, with the old foundation preserved intact underground and later partially discovered during a round of excavations led by N. N. Voronin. In 2015 the author of this article led a short excavation which unearthed some previously unknown parts of the church. The excavation continued in 2018, with more fragments discovered: the north-eastern corner of the church and the northern part of the middle apse. In addition to that, full measurements were taken of the western wall of the church, originally found by Voronin but left unmapped since then. Both archaeological studies and on-site fieldwork provided a lot of new material which helped reassess the Romanesque décor of the church built during the reign of Prince Andrey Bogolyubsky.

Keywords: Old Russian architecture, Vladimir-Suzdal' Rus, Bogolyubovo, limestone architecture, church, excavation, measurement, foundation, carving, profiles, pediment, columns, Romanesque stile.

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor of Art Studies, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of Archaeology, RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; Head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 Bldg.4, Lomonosovsky Prospekt, 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru

Архитектура базара в Болгаре по данным археологии

В. Ю. Коваль

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ изучение Болгарского городища в Спасском районе Республики Татарстан (остатков первой столицы Волжской Булгарии и одного из крупнейших городов Поволжья в XIII–XIV вв.) было начато в 1938 г. А. П. Смирновым и продолжалось с небольшими перерывами вплоть до наших дней. Центральный базар Болгара был обнаружен в 150 м от Соборной мечети отрядом Института археологии Академии наук СССР под руководством М. Д. Полубоариновой в 1989 г. В 1989–1992 гг. была открыта часть фундамента северо-восточной стены этого здания, однако его исследователям осталось неясным, где находился внутренний объем этой постройки. Высказывались предположения, что он располагался к северо-востоку от обнаруженного фундамента, в результате появилась гипотеза о размещении тут некой «Рыночной площади» (Кокорина и др., 1994. С. 22–23), которая в дальнейшем не подтвердилась. Возобновление раскопок этого интереснейшего объекта произошло благодаря совместным усилиям Института археологии АН Республики Татарстан и Института археологии РАН в 2011 г. В 2013–2016 гг. изучение территории базара проводилось отрядом Института археологии РАН, работавшим в составе Болгарской экспедиции Института археологии АН Татарстана. В результате всех этих многолетних работ удалось практически полностью выявить контуры мону-ментальной постройки базара и исследовать все культурные отложения до материка. Начиная с 2014 г. руководство раскопом, вскрывавшим остатки базара, осуществлял сотрудник Института археологии РАН Д. Ю. Бадеев.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-327-5.173-188>

Аннотация. В статье представлены материалы раскопок Института археологии РАН на Болгарском городище, где исследованы остатки здания средневекового восточного базара. Дана характеристика размеров здания и его составных частей, строительных материалов, конструктивных элементов. Предложена реконструкция внешнего вида здания, основанная на археологическом материале и с учетом известных аналогий.

Ключевые слова: археология, фундамент, кирпичные стены, средневековье, Золотая Орда, международная торговля.

Коваль Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, kovaloka@mail.ru

- Ил. 1. Стратиграфия культурного слоя на раскопках базара: 1 — слой деревни XVIII–XX вв.; 2 — слой разрушения стен базара; 3 — слой, отложившийся во второй четверти XIV в. до строительства базара; 4 — слой второй половины XIII – первой четверти XIV в.; 5 — заглубленные в материк объекты; 6 — слой X–XII вв.; 7 — железная решетка в слое разрушения базара. Фотография автора.

Стратиграфия участка исследований довольно сложна и включает 4 слоя общей мощностью около 1,5 м: от периода образования города в IX–X вв. до слоя русского села Болгары XVIII–XX вв. (ил. 1). Однако наибольшую мощность (до 1 м) имел слой золотоордынской эпохи, формировавшийся с середины XIII до конца XIV в. Верхний горизонт слоя золотоордынской эпохи как раз и представлял собой руины исследованного здания с каменно-кирпичными стенами. Остатки постройки находились буквально на современной поверхности, их перекрывали прослойки грунта толщиной не более 20 см, а в некоторых местах — всего 5 см. Понятно поэтому, что постройка была в сильнейшей степени разрушена: на это повлияли строительство домов села XVIII–XX вв., распашка земли под огороды, разнообразные современные перекопы. В XVIII–XIX вв. местное население целенаправленно выбирало камень-известняк из фундаментных рвов, используя его как для строительства христианской церкви, жилых домов, так и в производстве селитры (для изготовления пороха — это производство было организовано здесь в начале XVIII в. по приказу императора Петра I). Но, несмотря на все эти разрушения, отдельные детали здания все же сохранились, что позволило установить все основные детали его конструкции.

Датировка обнаруженной постройки базируется, прежде всего, на массовом монетном материале. В слоях строительства и разрушения базара собрано более 1000 монет, кроме того, до 700 монет зафиксировано в слое под этим сооружением. В основном это медные монеты, но 1/6 часть составляли серебряные. Чеканены они преимущественно в самом Болгаре, также много монет чеканки городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье, редко встречаются монеты из Крыма и Ирана. Из комплекса монет, выпавших в слой в период существования и разрушения базара, почти 1/4 относится к чеканке хана Джанибека (правил в 1342–1357 гг.), несколько меньшее их число было выпущено при хане Хызре (1360–1361 гг.)¹. Более поздние монеты в этом слое практически отсутствовали, но имелось большое число более ранних (в т. ч. чеканки хана Узбека), которые не могут быть использованы для датировки слоя. В слое, залегавшем под горизонтом строительства базара, монет Хызра не зафиксировано, но присутствовали эмиссии

¹ Все определения монет выполнены Д. Г. Мухаметшиным, которому пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность за этот огромный труд. К сожалению, результаты этих исследований пока не опубликованы.

Узбека и Джанибека. Судя по этому действительно массовому датирующему материалу, базар был построен и начал функционировать в 1350-х гг., но просуществовал очень недолгое время — до 1360-х или 1370-х гг. (т. е. вряд ли более 10–20 лет). Расплывчатость датировки объясняется тем, что монеты, отчеканенные в начале 1360-х гг., находились в употреблении вплоть до начала 1380-х гг. Поэтому установление более точной даты гибели здания по нумизматическому материалу пока невозможно. Однако 1360-е годы представляются наиболее вероятной датой, поскольку именно в это время Золотая Орда переживала наиболее сильные внутренние потрясения. К ним добавились грабительские походы ушкуйников (с 1360 г.).

Причиной гибели базара стал сильный пожар, после которого началось разрушение его стен. В конце XIV – начале XV в. на месте бывшего базара не было построено ни одного жилого или хозяйственного строения, хотя рядом с ним такие строения возникали. Вероятно, руины базара продолжали стоять посреди города, в окружении жилых усадеб, и превратились в пустырь, на котором периодически совершались захоронения (в разных концах площадки базара обнаружено 5 погребений). Два из них можно рассматривать как захоронения брошенных тел (возможно, после одного из погромов города), остальные не относились к мусульманским и могли появиться уже в эпоху существования русского села Болгары.

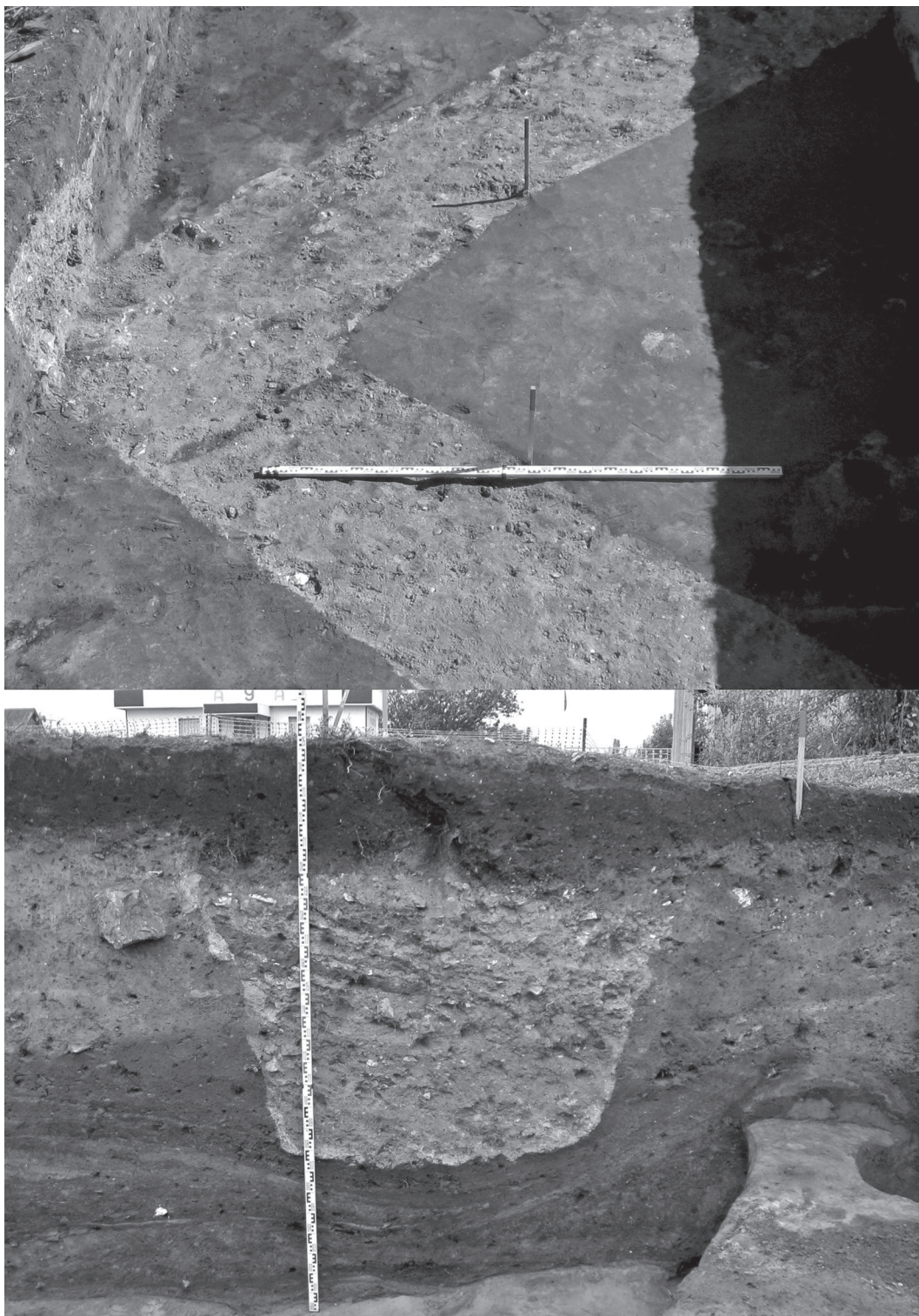
Судя по находкам из слоя разрушения базара (Коваль, 2013; 2015; 2016; Коваль, Бадеев, 2015), он предназначался для торговли очень дорогими товарами — импортными тканями (в т. ч. фламандским сукном с соответствующими пломбами), изделиями из драгоценных металлов (которые проверялись на пробирных камнях), ловчими или экзотическими птицами (сохранились остатки одной клетки для такой птицы). Не оставили никаких следов в культурном слое, но неизбежно участвовали в этой торговле товары, которые составляли наибольшую ценность в то время: русские меха, персидские ковры, индийские пряности, китайские шелка. Испанские и византийские амфоры и кувшины для вина и оливкового масла свидетельствуют о торговле и этими престижными продуктами питания. Большинство предметов торговли сгорело в пожаре,

а те, что не сгорели (золото), были изъяты после пожара. Однако сохранились десятки фрагментов весов и около сотни гирек-разновесов. Здание потребовалось для организации круглогодичной торговли дорогостоящими предметами международного обмена, требовавшими обеспечения сохранности и защиты от неблагоприятного природного воздействия.

Исследованное здание представляло собой прямоугольник размерами 37 × 34 м, по периметру которого проходила стена (ил. VII на цветной вклейке). За время раскопок 1989–1991, 2011–2016 гг. из общей площади объекта (1258 кв. м) изучено 1053 кв. м (84 %). Оставшаяся площадь в настоящее время не может быть исследована, будучи перекрыта современными объектами (улицы, электрокабели). Почти весь фундамент был выбран, и от него сохранилась только траншея, заполненная крошкой известкового раствора с мелкими обломками известняка (ил. 2). Однако удалось обнаружить единственный неразрушенный участок фундамента и цоколя стены: судя по этому фрагменту, фундамент стены был сложен из крупных обломков известняка на известковом растворе (ил. VIII: 1–2 на цветной вклейке). Ширина траншеи фундамента составляла 1–1,2 м, глубина колебалась от 1 до 2 м (в зависимости от плотности грунтов).

Поверх бутовой кладки фундамента на уровне древней дневной поверхности выкладывался цоколь здания из разномерных тесаных блоков известняка, длина которых достигала 85 см (ширина и высота блоков колебалась от 15 до 25 см). В некоторых местах перед их укладкой поверхность фундамента выравнивалась кирпичной кладкой в 1–2 ряда. Поверх этого цоколя некогда стояли стены, которые были сложены из обожженного кирпича размерами 25 × 25 × 5 см, с отклонениями размеров в пределах 1–2 см (ил. VIII: 3 на цветной вклейке). Кирпич обожжен до однородного красного цвета, но полной спекаемости массы не достигнуто, поэтому он недостаточно прочен и легко крошится.

Сами кирпичные стены не сохранились, поскольку они были полностью разобраны еще в XIV веке, однако на всей площади базара и вокруг него остались слои, состоявшие из битых кирпичей и скреплявшего раствора из желтой глины, мощность которых достигала иногда 1 м (ил. 1). В некоторых местах встречены куски раствора из алебаstra. Толщина стен могла составлять

- Ил. 2. Траншея фундамента стени базара: 1 — северный угол постройки, вид с запада; 2 — траншея фундамента в борту раскопа. Фотографии автора.

110 см, исходя из кладки в 4 ряда кирпича при наличии швов между ними в 2–3 см.

Внутренний объем базара состоял из нескольких элементов. Один из них составлял ряд торговых помещений (лавок), тянувшихся вдоль кирпичной стены. От них сохранились ленточные фундаменты, выложенные из сырцового кирпича, которые частично сохранились. Эти фундаменты в нескольких случаях выкладывались поверх деревянных досок. Кирпичи в кладках были уложены на ребро под углом 45 градусов к поверхности (ил. 3: 2). Скреплены они были глиняным раствором, который по цвету почти не отличался от самих кирпичей. Химический состав сырцовых кирпичей и раствора различался только тем, что в растворе присутствовало большое количество животной органики (навоза)¹. Сохранился только 1 ряд кирпичей, и нет никаких оснований предполагать, что их было больше. Сами же перегородки, опиравшиеся на такой цоколь, либо были целиком деревянными, либо имели конструкцию типа фахверк. Подобные конструкции, состоящие из ряда вертикальных столбов, пространство между которыми закладывается сырцовыми кирпичами, до сих пор широко распространены в странах Востока (ил. IX: 2 на цветной вклейке). Однако для здания базара в Болгаре более вероятно именно деревянные перегородки — в противном случае сохранились бы завалы сырцовых кирпичей, которые нигде не были зафиксированы.

Полы в ряде лавок, проходивших по периметру базара, были деревянными: в нескольких местах сохранились их обугленные фрагменты (ил. VII на цветной вклейке). Кроме того, в южном углу постройки обнаружена вымостка из сырцовых кирпичей, выложенных «в елочку» (ил. IX: 1 на цветной вклейке). О том, что это именно мощение пола, а не упавшая стенка, свидетельствуют само место его фиксации на углу помещения (такая стенка не могла бы упасть сюда ниоткуда), хорошая сохранность кладки (кирпичи не развалились) и отсутствие следов деревянного пола под этой вымосткой.

Кроме ряда лавок, примыкавших к каменно-кирпичной стене, внутри базара распола-

гались еще 4 «павильона» (ил. VII на цветной вклейке), контуры которых зафиксированы благодаря точно таким же ленточным фундаментам из сырцовых кирпичей, как и у стены, отделявшей лавки по периметру здания (ил. 3: 1). Однако сохранность этих фундаментов была крайне плохой (от западного «павильона» следов практически не осталось), поэтому их размеры трудно установить с высокой точностью. Возможно, они не были совершенно одинаковыми. Исходя из сделанных промеров, они имели длину около 10,4 м при ширине 7,7–8 м. Внутри каждого «павильона» находилось по одному прямоугольному помещению небольшого размера (4,3–5,5 × 2,7 м), имевшему аналогичные ленточные фундаменты. «Павильоны», видимо, также служили для размещения торговых лавок, а помещения внутри них могли использоваться как кладовки. В некоторых торговых помещениях по периметру базара зафиксированы следы сгоревших полов из обугленных деревянных досок, уложенных, вероятно, прямо на землю.

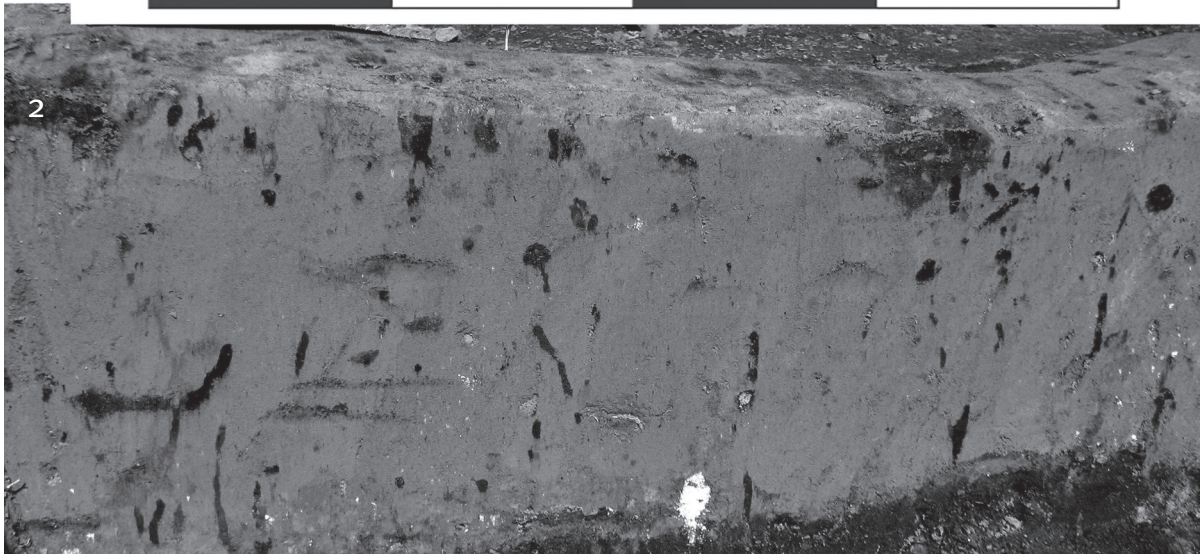
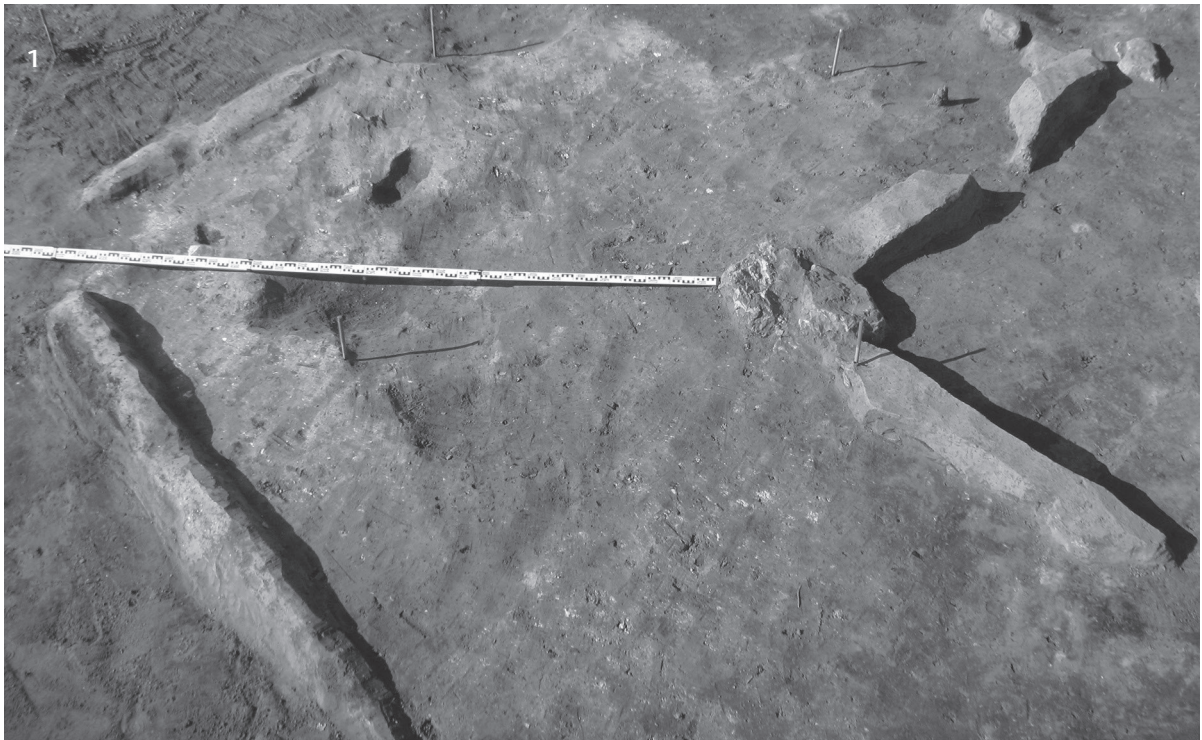
«Павильоны» разделялись крестообразно пересекавшимися проходами (пассажами). Ширина их составляла около 4 м, такой же, но несколько более узкий, шириной 3–3,5 м, пассаж проходил вдоль лавок, размещавшихся по периметру базара. Никаких следов замощения в проходах не отмечено, вероятно, они имели земляные полы.

Если допустить, что ширина каждой отдельной лавки составляла около 2 м, то только по периметру стен базара могло располагаться не менее 50 торговых мест, а общее количество торговых мест на базаре могло достигать 100. Разумеется, это максимальная цифра, в реальности могли существовать не только маленькие лавки, но и очень обширные по площади.

На всей площади базара не обнаружено ни одного отопительного устройства — печи, очага и даже жаровни. Однако жаровни вряд ли хранились здесь постоянно, а если гибель базара произошла в теплое время года, то их отсутствие тут не должно удивлять.

Не совсем понятно, как были оформлены входы внутрь базара и сколько их было вообще. В фундаментах нет никаких разрывов, которые обозначали бы подобные входы. Сами входы определяются гипотетически, поскольку пересекавшиеся центральные проходы должны были выводить к местам, по которым покупа-

¹ Определения проведены д. г. н. А. А. Гольевой (ИГ РАН).

- Ил. 3. Ленточные цоколи павильонов базара из сырцовых кирпичей, уложенных наклонно: 1 — общий вид на участок вскрытия цоколей; 2 — продольный разрез цоколя. Фотографии автора.

тели могли проникать внутрь здания. Однако установлено, что у юго-западной стены базара такого разрыва не было и в фундаменте из сырцовых кирпичей, служившем основой для стены, отгораживавшей лавки, размещавшиеся по

периметру базара. В то же время с внешней стороны от белокаменного фундамента капитальной стены обнаружено основание пристройки к стене, состоявшее из одного ряда белокаменного бута, перекрытого кладкой из сырцовых

кирпичей. Такое основание теоретически могло служить для возведения легкого портала, но небольшая глубина заложения и отсутствие надежных следов парного ему основания по другую сторону от гипотетического входа не позволяют предполагать тут крупный портал наподобие среднеазиатского «пиштака». И все же на наличие порталов как будто указывают находки кашинных изразцов, использовавшихся для украшения стен зданий. Возможно, входы в этот базар не были декорированы пристроенными порталами, а просто оформлялись изразцами в плоскости стены.

К северо-востоку от базара были прослежены кирпичные фундаменты от двух параллельно расположенных оград (сложенных из обожженного и сырцового кирпичей), ограничивавших улицу шириной 10 м (ил. VII на цветной вклейке). Улица столь большой ширины, вероятно, предназначалась для размещения по ее сторонам временных торговых лавок из дерева, войлока и т. п. материалов. Таким образом, уличная торговля продолжалась на протяжении 150 м, отделявших здание базара от Соборной мечети. Кроме того, эта улица однозначно указывает на наличие входа в базар с северо-востока. Наиболее логичным представляется наличие у здания четырех входов в каждую из его стен, поскольку восточные базары устраивались, как правило, на перекрестках улиц. Однако надежных археологических свидетельств существования таких входов в северо-западной и юго-западной стенах нет. И все же в горизонте, залегавшем непосредственно под базаром, удалось зафиксировать следы уличного полотна и ограничивавших его стенок (дувалов), сложенных из сырцового кирпича, проходивших с юго-востока на северо-запад по линии будущего прохода внутри базара (Бадеев, 2015). Так что некоторые основания для предположения о двух сквозных проходах через базар все же имеются.

Самый сложный вопрос в архитектуре болгарского базара — это конструкция его крыши. Наличие внутренних перегородок (стенок) из дерева или дерева и сырцовых кирпичей ясно свидетельствует о том, что здание базара обязательно имело крышу, но у него не могло быть купольных перекрытий, характерных для восточных базаров XVI–XIX вв., поскольку внутри здания не обнаружено следов мощных каменных опор (колонн). А без таких опор и при тол-

щине внешних стен в 1 м говорить о каменных или кирпичных перекрытиях для здания площадью более 1000 кв. м просто не приходится.

Прежде чем предложить какой-либо вариант реконструкции кровли базара, обратимся к подобным по размерам зданиям и рассмотрим варианты их перекрытия. Разумеется, прежде всего должно заинтересовать здание Соборной мечети, расположенной всего в 150 м от базара. В отличие от него, мечеть была сложена целиком из белого камня и имела по углам мощные башнеобразные выступы. Однако в остальном она обладала очень большим сходством с базаром: по своим размерам она лишь немного уступала ему (31,5 × 30 м)¹, с площадью 940 кв. м по внешнему контуру. Обмерный чертеж, опубликованный С. С. Айдаровым, дает близкие, но все же несколько иные размеры: 32 × 30–31,5 м (Айдаров, 2001. Рис. 6). В публикации А. Г. Ситдикова и С. Г. Бочарова указаны иные размеры мечети — 34 × 32 м (Ситдигов, Бочаров, 2014. С. 539). Э. Д. Зиливинская приводит (без ссылки на источник) ее размеры по внутреннему контуру помещения — 32,6 × 28,2–29,6 м (Зиливинская, 2014. С. 20). Промер, сделанный нами в 2015 г. при помощи обычной рулетки по внешним контурам уже реконструированных стен, дал следующие цифры: 35 × 31 м (площадь здания в этом случае 1085 м). Таким образом, он более соответствует данным Э. Д. Зиливинской.

Толщина стен мечети не указана ни в одной из публикаций (!), однако обмерные чертежи А. П. Смирнова и С. С. Айдарова позволяют оценить ее в интервале от 1 до 1,3 м (Смирнов, 1951. Рис. 132; Айдаров, 2001. Рис. 6). Правда, неясно, показана ли на этих чертежах толщина стен или ширина фундаментов. В любом случае толщина стен мечети близка базарным (1,1 м), лишь немного превышая их. Глубина заложения фундамента стен указана в публикациях по-разному:

¹ В литературе размеры Соборной мечети указаны только один раз, А. П. Смирновым: 44 × 40 м (Смирнов, 1951. С. 205), однако эти размеры включают башнеобразные выступы по углам. Если же провести обмер по контуру стен исходя из опубликованного чертежа здания (Смирнов, 1951. Рис. 132), то получатся указанные нами цифры. В других публикациях, посвященных Соборной мечети (Айдаров, 2001; Полякова, 2001), эти размеры не указаны вовсе.

А. П. Смирнов оценивал ее в 0,85–1,0 м (Смирнов, 1951. С. 206), С. С. Айдаров — в 2,2–2,4 м (Айдаров, 2001. С. 28). Кроме того, внутри мечети имелись 36 каменных колонн (на первом этапе — 30), фундаменты которых были заглублены на 2 м (Айдаров, 2001. С. 26, 27). Размеры каменных шестигранных колонн не указаны ни в одной публикации, а фото единственной сохранившейся до наших дней (реставрированной) колонны не имеет масштаба (Айдаров, 2001. Рис. 8, 2), но ее высота может быть оценена приблизительно в 2,5 м, а поперечник — в 0,5 м (по личным наблюдениям автора). Реконструкция С. С. Айдарова (Айдаров, 2001. Рис. 18; 36, а) лишена каких-либо конструктивных деталей кровли, но рисует Соборную мечеть с высокой двускатной крышей и венчающим ее световым фонарем. В новейшей реконструкции внешнего вида этой мечети (ил. IX: 3 на цветной вклейке), предложенной А. Г. Ситдиковым и С. Г. Бочаровым (Ситдиков, Бочаров, 2014. Рис. 2, 3) также не приведено каких-либо инженерных расчетов, но при этом она исходит из наличия внутренних каменных арочных конструкций, опирающихся на колонны и составлявших основу деревянной кровли с черепичным покрытием. Для проверки реальности таких построений требуется элементарный инженерный расчет. Представляется, что стены толщиной до 1,3 м и небольшие колонны недостаточны для того, чтобы выдержать вес каменных арочных перекрытий, равно как и черепичной крыши (не говоря уже о том, что археологические следы черепичной кровли при раскопках Соборной мечети не обнаружены археологами). Более реальным представляется вариант балочно-стропильной конструкции кровли, крытой не черепицей, а тесом.

Не менее интересен вариант реконструкции Соборной мечети, исследованной в центре города Каялык (городище у села Койлык в Южном Казахстане), который в XIII–XIV вв. был одним из крупнейших городов этого региона и площадь которого превышала 1 кв. км. Эта мечеть представляла собой здание размерами 34 × 28 м со стенами толщиной 2 м, сложенными из сырцового кирпича (Байпаков, 2013. С. 35)¹. Таким обра-

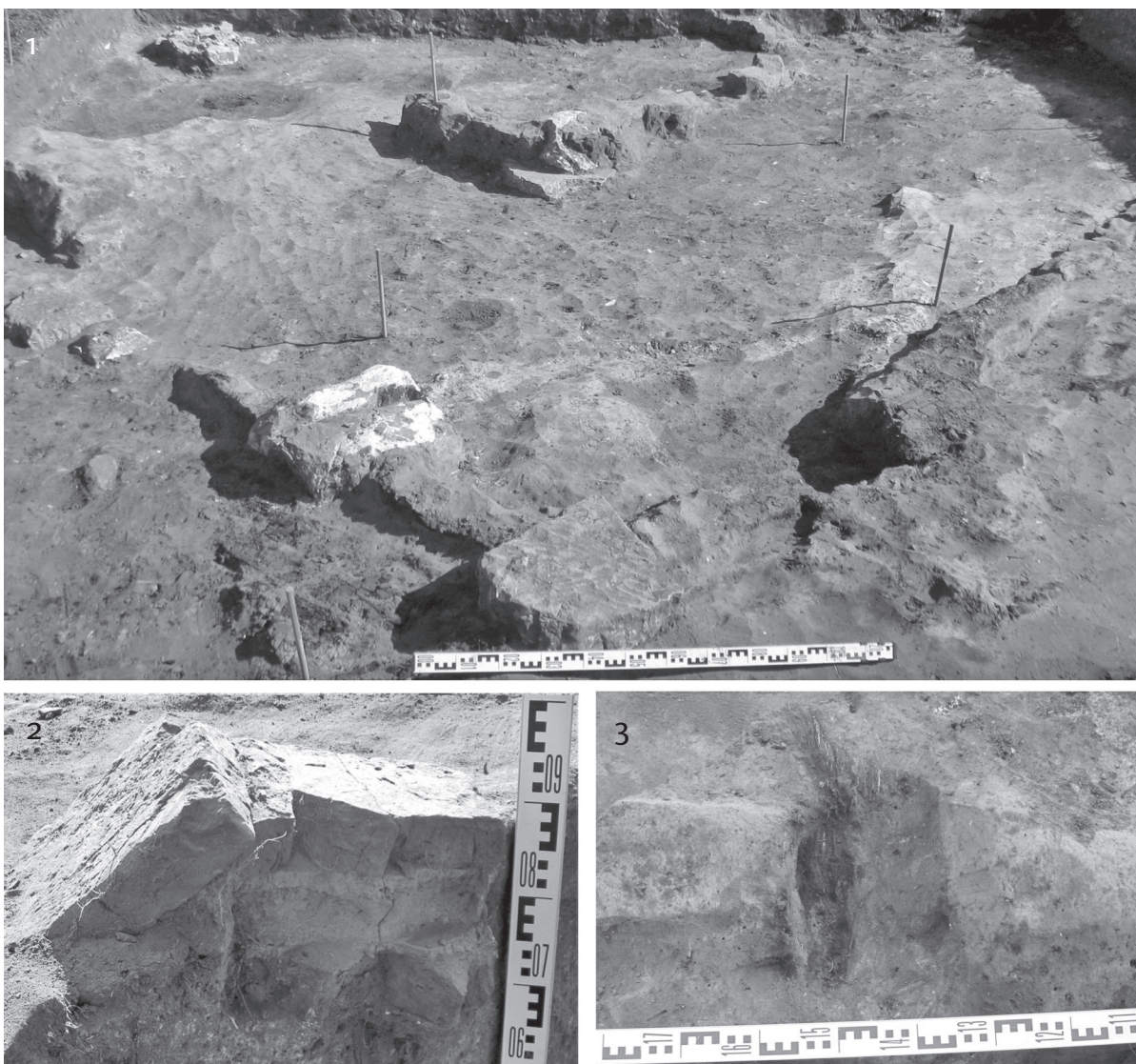
зом, по размерам она вполне сопоставима как с Соборной мечетью Болгара, так и с базаром этого города. Кровля этого строения опиралась на 54 деревянные колонны, от которых сохранились только каменные базы. Однако, несмотря на солидную толщину стен этой постройки, К. М. Байпаков не допускал возможности существования у нее каменно-кирпичных арочных конструкций и черепичной кровли, а предполагал, что она была деревянно-камышовой (Байпаков, 2013. С. 35). Такой вариант представляется гораздо более реалистичным.

Можно назвать еще две близких по размерам мечети — на Селитренном городище (36,5 × 35,5 м по внутреннему контуру) и на Водянском городище (35 × 26 м по внешнему контуру). Первая имела стены из обожженного кирпича на глиняном растворе (т. е. такие же, как у базара в Болгаре) и толщиной 1 м, вторая — из рваного камня на глиняном растворе, толщиной 1,2–1,3 м, которые были установлены прямо на поверхность материка, без фундамента (Зиливинская, 2014. С. 24. Рис. 18; Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 108, 109, 123). По мнению Э. Д. Зиливинской, мечеть Селитренного городища могла иметь плоское балочное перекрытие, опиравшееся на деревянные столбы (Зиливинская, 2014. С. 26), с чем трудно не согласиться.

По аналогии с рассмотренными зданиями близких размеров, базар в Болгаре мог иметь крышу балочной конструкции, опирающуюся на деревянные столбы. Однако эта кровля не могла быть плоской из-за местных климатических условий (дожди весной и осенью, снегопады зимой): такая крыша не спасла бы базар от затопления дождевой водой и не выдержала бы веса снега. Очевидно, эта кровля должна была иметь хотя бы небольшой уклон. Для того чтобы уточнить конструкцию этой кровли, имеются 2 вида источников. Первый составляют следы от опорных столбов, включенных в стены внутрибазарных перегородок и прямоугольных «павильонов». Места расстановки таких столбов определяются исходя из размещения крупных камней, разрывающих ленточные фундаменты из сырцового кирпи-

¹ Э. Д. Зиливинская приводит иные размеры этого здания — 32,6 × 26,7 по внутреннему контуру при толщине стен от 1,3 до 2,5 м (Зиливинская, 2014. С. 40). Правда, если судить по масштабу приведенного ею чертежа

(Зиливинская, 2014. Рис. 42), эти размеры окажутся совершенно другими. Но здесь дело, вероятно, в неверной масштабной линейке, сопровождающей чертеж.

• Ил. 4. Опоры деревянных столбов в ленточных сырцовых кладках: 1 — из необработанных камней; 2 — из обожженных кирпичей; 3 — опора деревянного столба в ленточной сырцовой кладке с подкладкой из деревянной плахи. Фотографии автора.

ча (ил. X на цветной вклейке). Почти всегда такие камни обнаруживались по углам павильонов и находившихся внутри них помещений, кроме того, они встречены и на линейных участках сырцовых фундаментов (ил. 3: 1; ил. 4: 1). Сохранилось 19 подобных мест, к которым добавляется еще одна точка, где основание для столба было сложено из четырех положенных друг на друга кирпичей (в северном углу северного павильона) (ил. 4: 2). В некоторых местах ленточные фундаменты имели разрывы, в ко-

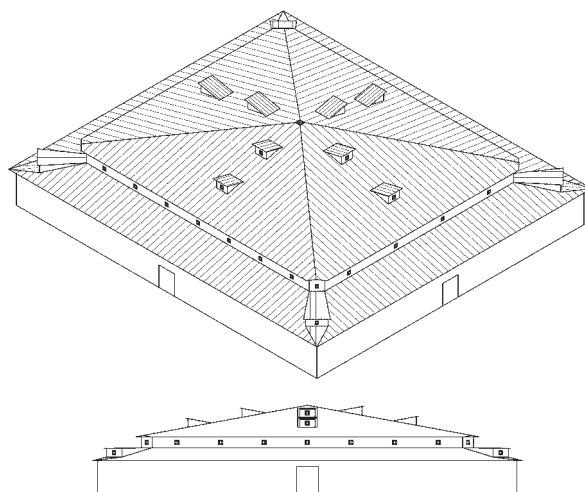
торых на уровне их подошвы фиксировались обрубки плах или досок (сохранились только в виде тлена) длиной до 50 см (ил. 4: 3; ил. XI: в на цветной вклейке). Такие плахи также могли использоваться в качестве опоры для столбов, поддерживавших кровлю.

Изучение планиграфии сохранившихся опор (ил. XI: а, б на цветной вклейке) позволяет утверждать, что они выстраивались в линии, причем расстояние между соседними опорами составляло от 2,5 до 4 м. Отсюда можно построить ре-

конструктивный план столбовых опор внутри здания, количество которых могло достигать до 120 шт. (ил. XI: б, в на цветной вклейке) Правда, в некоторых местах, где реконструкция предполагает наличие опор, отсутствуют как камни-основания, так и деревянные подкладки, а в ленточных фундаментах нет никаких разрывов (ил. XI: в на цветной вклейке). Таким образом, количество опор могло быть существенно ниже названной цифры и определяться не неким заранее созданным планом, а конкретной инженерной ситуацией или какими-то иными, не известными нам обстоятельствами.

О деталях конструкции кровли можно судить также по находкам железных решеток, перегородивших в ней световые окна. Все эти решетки обнаружены на трассах проходов между торговыми местами, куда они могли упасть после того, как крыша сгорела в пожаре (ил. XII на цветной вклейке). Все решетки лежали в угольном слое пожара, уничтожившего базар, при этом в ряде случаев они были перекрыты завалами сырцового кирпича (от внутренних перегородок) или обожженного кирпича (от стен здания). Но ни разу на решетках не были встречены следы скрепляющего стены раствора (глины или алебастра). Следовательно, решетки вставлялись не в кирпичные или сырцовые стены, а в деревянные рамы, и при этом они первыми упали на пол горевшего здания (до разрушения его стен). Такое могло произойти только в том случае, если решетки размещались в кровле базара.

Места находок решеток исключают возможность для реконструкции кровли в виде двускатной, поскольку тогда целый ряд решеток оказались бы на линиях прохождения коньковой балки крыши. Однако если допустить, что кровля имела четырехскатное строение, с вертикальной стенкой, располагавшейся в 4 м от внешнего контура здания (т. е. по линии перегородки, отграничивавшей ряды лавок по периметру здания), то решетки как раз оказываются на местах, наиболее удобных для освещения проходов внутри базара (ил. 5). Сложнее объяснить находки решеток по углам проходов, а также — решетки в южном углу здания, упавшей в пространство внешнего ряда лавок. Возможно, окна с решетками помещались тут, чтобы лучше освещать самые темные, угловые, части базара. Разместить окна по углам деревянной кровли при наличии уступа с вертикальной стенкой технически несложно.

• Ил. 5. Вариант графической реконструкции внешнего вида здания базара в Болгаре (рисунок Е. Н. Пророковой).

Для освещения центральных проходов базара, видимо, приходилось делать световые «фонари» в плоскости кровли, также защищенные решетками. Только при такой реконструкции все находки решеток получают разумное объяснение появления на своих местах.

Сохранились далеко не все решетки от световых окон, но в юго-западной части здания они зафиксированы лежащими с интервалом 6–8 м. Следовательно, всего (считая решетки в углах прохода) по этой стороне могло располагаться 6 световых окон (от них сохранились только 5 решеток). Вдоль более длинной северо-западной стены здания сохранилось также только 5 решеток, лежавших на расстоянии 12–14 м друг от друга. Следовательно, здесь решетки были размещены вдвое реже, чем на юго-западной стороне. Схожие интервалы между местами фиксации решеток на полу прохода наталкивают именно на такой вариант объяснения. Правда, в этом случае приходится допускать, что строители изначально предусматривали гораздо худшую освещенность проходов по длинной стороне здания, а этому трудно найти разумное объяснение. Поэтому вариант одинаковых интервалов (6–8 м) между световыми окнами по всему периметру здания все же имеет право на существование, а «недостачу» решеток по северо-западной стороне в этом случае можно рассматривать как результат повреждения слоя перекопами.

Все решетки, найденные в проходах базара, были составлены из четырех кованых прутьев длиной около 60 см и толщиной до 2 см (ил. XII: б на цветной вклейке). Все решетки были плохой сохранности, и изначальное сечение прутьев достоверно установить не удалось, но округлость сечения лучше сохранившихся участков позволяет предполагать, что их сечение было таким и в момент их изготовления. В местах пересечения прутьев они были соединены ковкой (дополнительных хомутов или соединения «на пробой» не встречено). Плохая сохранность изделий объяснялась тем, что они обгорели в пожаре. Параметры решеток позволяют думать, что они закрывали окна квадратной формы размерами 40 × 40 см (поскольку концы решеток должны были быть утоплены в раму не менее, чем на 10 см). Разумеется, такие окошки давали очень мало света.

В самом центре базара, в небольшой яме, находившейся на самом пересечении двух центральных проходов, обнаружена самая крупная решетка: она была сделана из 6 прутьев, длина которых достигала 80 см (ил. XII: а на цветной вклейке). Сохранность ее была очень плохой, поскольку в ходе пожара она пострадала больше остальных. Вероятно, эта решетка перекрывала центральное световое окно, подобное отверстию в купольных кровлях позднесредневековых каменных восточных базаров. Яма, в которую она упала, вероятно, предназначалась для дренажа дождевых вод, проникавших внутрь базара через это центральное окно, размеры которого можно реконструировать в пределах 60 × 60 см.

Наличие решеток, закреплявшихся в деревянных рамах, и система опор из деревянных столбов заставляют думать, что вся конструкция кровли базара также была сделана из дерева. По балочно-стропильной конструкции на обрешетку могла крепиться кровля из теса (досок) пирамидального плана. Только прочная тесовая кровля, снабженная решетками в световых окнах, могла стать надежной гарантией от проникновения в здание базара воров. Поэтому допускать использование в такой кровле камыша не приходится.

Итак, в ходе раскопок открыто здание размерами 37 × 34 м, т. е. самое крупное (по размерам и площади) каменное строение города Болгара. Оно было даже несколько больше Соборной мечети. Здание располагалось точ-

но на перекрестке двух улиц, одна из которых вела к Соборной мечети, а вторая, вероятно, пересекала весь город — от западных ворот до комплекса «Ханской усыпальницы». Поскольку кровля здания опиралась на деревянные столбы, она не могла быть очень высокой, с крутыми скатами. Внешняя стена здания вряд ли значительно превышала высоту человека, т. е. составляла, вероятно, около 2 м. С учетом возможной высоты столбовых опор высшая точка кровли могла размещаться на отметке 2–3 м от верхнего края стен. Следовательно, все здание вряд ли могло иметь высоту более 4–5 м. Оно явно не выступало архитектурной доминантой города и, скорее всего, не выделялось пышным оформлением, но было достаточно прочным и надежным, полностью выполняя возложенную на него функцию.

По своей архитектуре эта постройка отличается от лишенных кровли базаров Центральной Азии, известных этнографически. В то же время базар Болгара близок кирпичным крытым базарам, известным в разных странах Востока. Правда, подобные постройки никогда не исследовались археологами, по крайней мере, на территории России и стран, входивших прежде в состав СССР. Ничего не известно и о раскопках подобных строений в странах Востока. При этом во многих таких странах известны очень близкие по размерам постройки, зачастую сохранившиеся до наших дней, в том числе реставрированные. Особенно много сходства можно указать среди базаров (тур. «бедестан») Турции. Таков, например, «Безестен» XVI в. в Салониках; близкие размеры (48 × 36 м) имел и бедестан в центре Гранд-базара в Стамбуле, а также бедестаны в Кайсери и Токате, воздвигнутые в XVI в. Это во все не значит, конечно, что базар Болгара надо связывать происхождением с Турцией: подобные базары известны и во многих других странах Востока. Например, точно такую же планировку (в виде квадратной постройки с двумя взаимно пересекающимися проходами — улицами) и близкие (хотя и более крупные) размеры имеет базар Таки-Тельпак Фурушон в Бухаре (Узбекистан), построенный в XVI в. для торговцев шапками.

Неизбежно возникает вопрос: не могло ли обнаруженное здание быть остатками караван-сарая? Хотя последние редко строились в

центре города, такие случаи все же известны. В целом планировка караван-сараев очень многообразна, и те из них, которые имели прямоугольный и квадратный план, были внешне близки базарам аналогичной структуры, тем более что функции тех и других весьма схожи, будучи связаны с обслуживанием торговли. На территории караван-сараев вполне могли осуществляться торговые сделки, в особенности это касается тех, что размещались внутри городов (караван-сарай на торговых путях, предназначенные для отдыха и ночлега торговцев в пути, такую функцию не выполняли). К сожалению, теоретические разработки, в которых были бы сформулированы отличительные черты караван-сараев и базаров, отсутствуют, однако свод памятников архитектуры Золотой Орды с большим числом восточных аналогий, опубликованный Э. Д. Зиливинской (2019), позволяет приступить к решению этой задачи. На сегодня видится следующий список признаков, различающих эти постройки.

1) Караван-сарай в подавляющем большинстве имели во внутреннем объеме обширные незастроенные дворы, предназначавшиеся для содержания животных, служивших для перевозки товаров в караване. Базарам такие помещения были не нужны, и их объем старались плотно заполнить торговыми помещениями. При этом в каменных базарах XVI–XIX вв. с купольными перекрытиями могли существовать залы (как правило, на пересечениях проходов), которые не были заняты лавками. Иначе говоря, если рассматривать этот признак формально, то у базаров можно найти массу «исключений» такого рода. Однако размеры этих залов были невелики и определялись объемом перекрывавшего их купола. Главное же различие состояло в том, что двор караван-сарая предназначался для содержания животных и потому оставался открытым для свободного притока воздуха, тогда как все помещения базара старались перекрыть и обезопасить как от жары летом, так и от дождей и холода зимой.

Разумеется, в некоторых странах Востока известны исключения из этого правила — караван-сарай без обширных внутренних дворов (Зиливинская, 2019. Рис. 15, 4–9; 18, 3–8; 25, 1), но такие постройки фиксируются вне городов, на торговых путях, где караван останавливался на одну-две ночи. Как правило, это небольшие

по размерам здания, предназначенные для помещения ограниченного числа людей. Как при этом поступали с тягловыми животными, неясно, но не исключено, что они проводили ночь в одном помещении с хозяевами.

Существуют, конечно, и более сложные случаи, например, недостроенное здание близ Ярбекир-калы в Хорезме (Туркменистан), которое включало 2 обширных двора (всего их должно было быть, вероятно, 4), обстроенных с внешней стороны небольшими помещениями (лавками или комнатами для проживания купцов). Это здание, расположенное вне стен города, могло служить базаром, совмещенным с караван-сараем (Вишневецкая, 1963. С. 18; Зиливинская, 2019. С. 55, 56. Рис. 44). Для времени расцвета Золотой Орды такой вариант кажется допустимым.

2) Поскольку караван-сарай в городах предназначались для длительного проживания купцов, они оборудовались комнатами с достаточно толстыми стенами, сложенными из камня, кирпича или сырца. Такая архитектура позволяла предоставить каждому постояльцу необходимый минимум удобств для жизни и некоторые гарантии безопасности оставляемого в этой комнате имущества. На базарах тоже могли строиться капитальные перегородки между лавками, однако это требование не было обязательным и действовало преимущественно в крупных городах в XVI в. и позднее. На большинстве базаров практиковались легкие деревянные перегородки между лавками, такой порядок сохраняется до сих пор, и его можно видеть на фотоснимках начала 1870-х гг. базаров в Ташкенте и Самарканде (Зиливинская, 2019. Рис. 50; Кун, Бродовский, 1872. Л. 10, 15, 16, 22, 28, 29).

3) Поскольку караван-сарай предназначались преимущественно для длительного проживания купцов, в культурном слое, который откладывался на территории таких объектов, можно ожидать обнаружения разнообразных бытовых вещей (и их обломков) — ножей, столовой посуды, деталей одежды, прочих вещей, не имеющих отношения к торговле. Разумеется, торговый инвентарь также мог выпадать здесь в слой, но очевидно, что в пропорциональном отношении он составлял бы меньшинство. К сожалению, археологический материал, полученный при раскопках караван-сараев, никогда не анализировался и не публиковался, так что провести подобное сравнение фактически невозможно. Однако

можно предоставить сведения о количестве бытовых вещей, найденных на территории базара в Болгаре. Так, бытовых ножей в пределах базара было обнаружено 20 шт., что составляет 10 % от общего числа таких находок из всех слоев раскопа (194 шт.)¹. Близкое соотношение показывают находки точильных камней — 5 (15 %) из 33 шт. и альчи́ков (астрагалов животных, которыми пользовались при игре в бабки) — 12 (17 %) из 70 шт. Разного рода пряжек в горизонте базара найдено 4 шт. (из 29 на всем раскопе), т. е. 14 %. При этом сумма всех находок, сделанных в горизонте базара (1464 шт.), составляла 1/4 от всего количества вещевых находок (5776 шт.), полученных на раскопе, которым исследовался данный участок Болгара. Таким образом, концентрация перечисленных бытовых вещей была в среднем в 2 раза меньше, чем в остальных слоях и прослойках. Если же учесть, что мощность отложений базара не превышала в среднем 20 см при общей мощности культурного слоя на раскопах в 1–1,5 м, то станет ясно, что именно слой базара был насыщен находками в наибольшей степени. Но при всей его насыщенности именно перечисленные выше бытовые вещи встречались тут реже всего. Особенно редким бытовым предметом в слоях базара были керамические пряслица, атрибут женского домашнего труда: их тут найдено всего 14 шт. из общего числа таких находок на раскопе (223 шт.), т. е. всего 6 %. При этом следует учитывать, что после гибели базара его участок превратился в пустырь, куда мог сноситься мусор с окружающей городской территории, и часть встреченных тут бытовых предметов могли не иметь никакого отношения ко времени функционирования базара.

Какие же предметы составляли на базаре наиболее частую находку? Нетрудно догадаться, что это были медные (850 шт.) и серебряные (91 шт.) монеты, которые суммарно составили 61 % всех

находок, зафиксированных в слое базара². К сожалению, у нас нет сведений о числе монет в слоях караван-сарая для того, чтобы сравнить эти показатели.

Все эти данные приведены здесь не для того, чтобы доказать атрибуцию исследованной постройки в качестве базара — у специалистов нет сомнений в ее безальтернативности (Зиливинская, 2019. С. 59–61), а для того, чтобы продемонстрировать основные отличительные черты этого объекта, которые помогут при будущих раскопках как базаров, так и караван-сарая.

Базар в Болгаре — это первый восточный базар, который практически полностью исследован методами археологии. Раскопки позволили выяснить пространственную организацию торговли в этом необычном здании, установить примерный перечень товаров, которыми здесь торговали. Однако очень сложно ответить на вопрос о том, кем были архитекторы и строители этого здания. С одной стороны, они явно имели опыт возведения крупных зданий из камня и кирпича, с другой — их знаний было явно недостаточно. Например, в некоторых местах фундамент был проведен через недавно засыпанные котлованы погребов, заполнение которых было еще достаточно рыхлым. В таких местах фундамент следовало углублять до материка, однако такое было сделано только один раз (это место зафиксировано в раскопе 1991 г.). Это говорит о том, что строители не имели большого инженерного опыта либо сознательно сэкономили, не закладывая в проект высокой прочности строения на долгий период. Интересно также сочетание в одной постройке белокаменного бутового фундамента и кирпичных стен. Кирпич не был в Болгаре популярным строительным материалом — кроме базара он был использован толь-

¹ Здесь и далее приведены данные по раскопкам 2012–2016 гг. отряда Института археологии РАН. За эти годы было вскрыто около половины площади базара, остальная площадь исследовалась в 1989–1991 гг. и 2011 г., когда горизонт строительства и разрушения базара еще не выделялся в стратиграфии раскопов, поэтому отделить находки тех лет, связанные с ним, затруднительно.

² Напомним, что речь идет лишь о материалах раскопок 2012–2016 гг. Если же учитывать раскопки предыдущих лет, то число монет тут возрастет в полтора раза, но их доля среди всех находок вряд ли изменится. Расчет производился поштучно. Поскольку часто за одну находку принималось скопление монет (до 15 шт.), общее число находок комплекса базара было скорректировано на разницу между количеством номеров монетных находок и реальным числом монет и стало составлять 1533 шт. (вместо 1464 шт., указанных выше).

ко для возведения так называемого «ханского дворца» (общественной постройки второй половины XIII в.), тогда как большинство остальных общественных зданий тут были целиком (или преимущественно) сложены из известняковых блоков.

Историки архитектуры полагают, что постройки Болгара имеют аналогии как в Закавказье и Малой Азии, так и в Иране и Средней Азии, поэтому установить, откуда пришли строители, возводившие эти здания, сложно. Скорее всего, в их строительстве участвовали мастера из разных стран, причем в каждой отдельной постройке доля «вклада» могла каждый раз меняться, в зависимости от того, кто именно участвовал в строительстве. Ясно только, что все навыки каменного строительства были в Болгаре внешними, «импортными», поскольку сами жители Поволжья строили свои дома из дерева. «Южным» импульсом было и использование сырцового кирпича, ведь необожженный кирпич непригоден для климатических условий лесной зоны Восточной Европы и строить из него могли лишь люди, непривычные к таким условиям, приехавшие из стран с более теплым и сухим климатом.

Центральный базар Болгара сохранился крайне фрагментарно, но его удалось изучить с максимальной возможной полнотой и благодаря этому составить представление не только о технических деталях его возведения, но даже о внешнем виде здания (ил. 5), который, конечно, не может быть восстановлен в полном объеме.

Список литературы

- Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 5–149.
- Бадеев Д. Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 200–210, 331–332.
- Байпаков К. М. Каялык — город Монгольской империи // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: К 70-летию М. Г. Крамаровского / ред.-сост.: В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: изд. дом Марджани, 2013. С. 30–37.
- Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // Материа-

лы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М.: изд-во АН СССР, 1963. С. 54–72.

- Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья / отв. ред.: А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 108–167.
- Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1. Культурное зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.
- Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 2. Гражданское зодчество. М.; Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2019. 353 с.
- Коваль В. Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 9–33.
- Коваль В. Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–221, 333, 334.
- Коваль В. Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 101–124.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 188–199, 329–330.
- Кокорина Н. А., Полубояринова М. Д., Полякова Г. Ф. Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. Болгар: Болгарский музей-заповедник, 1994. С. 22–23.
- Кун А. Л., Бродовский М. И. Туркестанский альбом. Т. 5, ч. 5. Часть промысловая. Ташкент: Гл. штаб туркестанского военного округа, 1872. 45 л.
- Полякова Г. Ф. Археологическое исследование соборной мечети // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 150–175.
- Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г. Изучение археологического наследия города Болгар. Соборная мечеть (XIV в.) // Восхождение к вершинам археологии / отв. ред. К. М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии Казахстана, 2014. С. 532–547.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 275 с.

References

- Aydarov S. S. Issledovanie i restavratsiya pamyatnikov monumental'nogo zodchestva Bolgara // Gorod Bolgar: monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroystvo / ed. G. A. Fedorov-Davydov. Moscow: Nauka, 2001. P. 5–149.

- Badeev D. Yu. Gorodskaya planirovka Bolgara k yugo-zapadu ot Sobornoy mecheti v 30–70-kh gg. XIV v. // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015. 237. P. 200–210, 331–332.
- Baypakov K. M. Kayalyk – gorod Mongol'skoy imperii // *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi: K 70-letiyu M. G. Kramarovskogo / ed., comp. V. P. Stepanenko, A. G. Yurchenko*. Moscow: izdatel'skiy dom Mardzhani, 2013. P. 30–37.
- Egorov V. L., Fedorov-Davydov G. A. Issledovanie mecheti na Vodyanskom gorodishche // *Srednevekovye pamyatniki Povolzh'ya / ed. A. P. Smirnov, G. A. Fedorov-Davydov*. Moscow: Nauka, 1976. P. 108–167.
- Kokorina N. A., Poluboyarinova M. D., Polyakova G. F. Issledovaniya trgovno-remeslennogo kvartala v tsentral'noy chasti Bolgara (1989–1993 gg.) // *Gorod Bolgar i ego okrug*. Bolgar: Bolgarskiy muzey-zapovednik, 1994. P. 22–23.
- Koval V. Yu. Torgovyy inventar' iz raskopok bazara serediny XIV veka v Bolgare // *Povolzhskaya arkheologiya*. 2013. № 4. P. 9–33.
- Koval V. Yu. Flamandskie tekstil'nye plomby iz raskopok srednevekovogo bazara v Bolgare i nekotorye analogii s territorii Rusi // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015. 237. P. 211–221, 333, 334.
- Koval V. Yu. Ispanskaya keramika v srednevekovom Bolgare // *Povolzhskaya arkheologiya*. 2016. № 4. P. 101–124.
- Koval V. Yu., Badeev D. Yu. Issledovaniya tsentral'nogo bazara Bolgara v 2012–2013 gg. // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015. 237. P. 188–199, 329–330.
- Kun A. L., Brodovskiy M. I. *Turkestanskiy al'bom*. 5, 5. Chast' promyslovaya. Tashkent: Glavnyy shtab turkestanskogo voennogo okrug, 1872. 45 l.
- Polyakova G. F. Arkheologicheskoe issledovanie sobornoy mecheti // *Gorod Bolgar: monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroystvo / ed. G. A. Fedorov-Davydov*. Moscow: Nauka, 2001. P. 150–175.
- Sitdikov A. G., Bocharov S. G. Izuchenie arkheologicheskogo naslediya goroda Bolgar. *Sobornaya mechet' (XIV v.) // Voskhozhdenie k vershinam arkheologii / ed. K. M. Baypakov*. Almaty: Institut arkheologii Kazakhstana, 2014. P. 532–547.
- Smirnov A. P. *Volzhskie bulgary*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 1951. 275 p.
- Vishnevskaya O. A. Arkheologicheskie razvedki na srednevekovykh poseleniyakh levoberezhnogo Khorezma // *Materialy Khorezmskoy ekspeditsii*. 7. Polevye issledovaniya Khorezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. Moscow: izdatel'stvo AN SSSR, 1963. P. 54–72.
- Zilivinskaya E. D. *Arkhitectura Zolotoy Ordyy*. 1. Kul'tovoe zodchestvo. Moscow; Kazan': Otechestvo, 2014. 228 p.
- Zilivinskaya E. D. *Arkhitectura Zolotoy Ordyy*. 2. Grazhdanskoe zodchestvo. Moscow; Kazan': Akademiya nauk Respubliki Tatarstan, 2019. 353 p.

Illustrations

Colour plate VII. Master plan of the Bolgar market, including data from the 1989–1991 and 2011–2016 excavations (drafted by D. Yu. Badeyev): A — areas overdug in 18th–20th centuries; Б — surviving fragment of a foundation; В — bases of mudbrick partition walls; Г — limestone boulders in partition wall structure; Д — charred timber; Е — decomposed timber; Ж — a pit in the center of the market; З — structures of flamed brick inside the market; И — brick bases of the street fence; К — perimeter skirt of limestone rubble; Л — collapsed mudbrick walls; М — iron grids.

Colour plate VIII. The surviving fragment of the market's foundation (from the south-eastern wall): 1 — a general view from the north; 2 — the exterior of the foundation, seen from the south-east; 3 — bricks from the collapsed wall of the market. Photos by the author.

Colour plate IX. 1 — The Bolgar market: a herringbone-style brick pavement in the southern corner of the building (photo by the author); 2 — a wall of timber and mudbrick (Damascus, Syria, 2010, photo by the author); 3 — The Cathedral Mosque in Bolgar: a reconstruction (Sitdikov, Bocharov, 2014. Fig. 2).

Colour plate X. A reconstruction master plan of the market, with locations of large boulders and a brick pillar marked by red dots. Other marked locations are identical to those in plate VII.

Colour plate XI. Plan of the Bolgar market with a reconstruction of roof supporters: A — surviving stone bases appearing as parallel lines; Б — reconstruction of lost bases, marked with black dots; В — the same plan, with suggested supporter locations marked by question marks, but no trace of bases were found. Orange dots show locations where mudbrick walls had cut-through areas with timber blocks underneath. Other marked locations are identical to those in plate VII.

Colour plate XII. A reconstruction plan of the market with places where iron grids were found marked by green circles: A — a six-bar iron grid found in the center of the market; Б — a photo of a 4-bar grid *in situ*. Other marked locations are identical to those in plate VII.

Fig. 1. The stratigraphy of occupation layers in the excavation of the town market: 1 — the layer of the 18th–20th century village; 2 — the layer of the collapsed market walls; 3 — the layer accumulated prior to the 2nd quarter of the 14th

century when the market was built; 4 — the layer of latter half of the 13th – 1st quarter of the 14th century; 5 — objects sunk into the natural; 6 — the 10th-12th century layer; 7 — the iron grid in the layer of the collapsed market. Photos by the author.

Fig. 2. The trench of the market wall foundation: 1 — the building's northern corner seen from the west; 2 — The foundation trench in the wall of the excavation pit. Photos by the author.

Fig. 3. Band-type bases of the market's pavilions, made of mudbricks laid slantwise: 1 — a general view of the area where brickwork bases were uncovered; 2 — a longitudinal section of the base. Photos by the author.

Fig. 4. Bases of wooden pillars in band-type mudbrick masonry: 1 — made of rustic stone; 2 — made of flamed bricks; 3 — a base of a wooden pillar in band-type mudbrick masonry with an underlying timber block. Photos by the author.

Fig. 5. A version of a graphical reconstruction of the exterior of the Bolgar market (a drawing by Ye. N. Prorokova).

V. Yu. Koval. The architecture of a market in the town of Bolgar from archaeological data

Abstract. The article presents the outcomes of the Institute of Archaeology-led excavations at the Bolgar site, where the remains of the medieval marketplace have been studied. We provide an overview of the building, its size, structural parts, elements and construction materials. Judging from the archaeological material and taking into account analogous buildings, we offer a reconstruction of the market's exterior.

Keywords: archaeology, foundation, brick walls, Middle Ages, Golden Horde, international trade.

Koval Vladimir Yuryevich, Candidate of History, Head, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, kovaloka@mail.ru

Новгородская Владычная палата по данным архитектурно-археологических исследований 2000–2010-х гг.: изучение утраченных частей здания¹

И. В. Антипов, Вал. А. Булкин,
А. В. ЖЕРВЭ

Новгородская Владычная палата — уникальный памятник древнерусской гражданской архитектуры. В ходе исследовательских и реставрационных работ 2006–2012 гг. было подтверждено соотношение этого здания с упомянутой в новгородских летописях под 6941 (1433) г. палатой владыки Евфимия II, построенной совместно немецкими и новгородскими мастерами (Новгородская палата сейчас состоит из двух основных частей — северо-западной (двухэтажной) и восточной (трехэтажной). Здание сохранилось относительно хорошо, утрачены его венчающие части, юго-западный трехэтажный компартимент, подвальный этаж которого в XIX в. вошел в состав корпуса викариев, южная стена восточных сеней и некоторые другие элементы (Антипов, Яковлев, 2012. С. 19–23; Калугина и др., 2009. С. 140–178; Яковлев, 2008. С. 160–174; 2019. С. 18–34).

До 2000-х годов целенаправленных раскопок у стен здания Владычной палаты и в интерьере не проводилось. На выполненном Б. К. Мантейфелем в 1949 г. сводном плане раскопов на территории Новгорода, хранящемся в фонде ученого в РГО, внутри здания Владычной палаты показан раскоп (Архив РГО. Ф. 95. Оп. 1. № 55. Карта). По данным исследователя, в 1937 г. музей провел разведку в подвале Грановитой

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-327-5.189-203>

Аннотация. Публикуются результаты археологических исследований несохранившихся частей Владычной палаты 1433 г. — центральной постройки комплекса двора новгородского архиепископа. В ходе раскопок найдены кладки южной, западной и восточной стен утраченной трехэтажной юго-западной части палаты (северная стена сохранилась практически на всю высоту), зафиксирована лестница, по которой спускались в ее подвал. Получены материалы для реконструкции планировки южных сеней палаты, выявлены следы входного проема в помещение под сенями. Изучены основания двух огнекаменных печей, отоплявших помещения 2 этажа палаты. Результаты археологических исследований помогли реконструировать первоначальный план здания.

Ключевые слова: Великий Новгород, Владычный двор, каменная гражданская архитектура, архитектурная археология, строительные материалы и конструкции.

Антипов Илья Владимирович — кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, i.antipov@spbu.ru

Булкин Валентин Александрович (1937–2016) — кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034

Жервэ Алексей Владимирович — заведующий отделом, Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Почтамтская ул., 14/5, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190000, azherve@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00045).

палаты (Архив РГО. Ф. 95. Оп. 1. № 56. Л. 10 об.). К сожалению, более никаких сведений об этих работах у нас нет.

В 1955 г. А. В. Воробьевым (ЦПРМ) был заложен шурф № 48 у центральной части северной стены палаты, вплотную к крайней западной лопатке восточной трехэтажной части здания (размеры 109 /З–В/ × 257 /С–Ю/ см). В ходе работ исследователем был частично изучен фундамент палаты, а также обнаружены кладки неизвестного сооружения, примыкающего к палате (как выяснилось уже в ходе наших раскопок, это была выгребная яма ретирады, построенная, вероятно, во второй половине XV в.) (Архив ЦНРПМ. № 2/381. Л. 2. Шурф 48).

В 1989 г. наблюдения за трассами коммуникаций вблизи Владычной палаты (с севера, юга и запада от здания) вел В. Н. Гусаков (Гусаков, Суховаров, 1990. С. 24–25; Гусаков, 1989). В результате этих работ были зафиксированы кладки целого ряда сооружений, находившихся вблизи здания, однако ограниченный характер исследований не позволил получить полноценное представление о застройке этой территории.

В 2006–2009, 2011, 2018–2019 гг. нами были проведены новые археологические исследования на территории Владычного двора¹. Всего был заложен 41 раскоп, часть раскопов последующих сезонов перекрывала наши более ранние шурфы (ил. 1). Общая площадь изученной территории превысила 550 кв. м. Помимо раскопок у стен Владычной палаты, велись работы на площадке к западу от Софийского собора, где был обнаружен целый ряд каменных построек XIII–XVIII вв. Закладка раскопов у стен и в интерьере Владычной палаты была в основном вызвана необходимостью подготовки проекта реставрации, а также проведения реставрационных работ.

¹ Раскопки велись Архитектурно-археологической экспедицией СПбГУ. Отдельными участками раскопок в некоторые сезоны руководили М. А. Родионова и С. В. Трояновский. В исследованиях принимало участие большое количество студентов-практикантов и выпускников отделения искусствоведения исторического факультета СПбГУ, среди которых следует отметить М. В. Балана (ГЭ): во многом именно с его помощью экспедиции удалось достичь существенных результатов.

Основные задачи исследований: 1) изучение фундаментов Владычной палаты, сопоставление фундаментов отдельных частей здания; 2) исследование несохранившихся частей Владычной палаты; 3) поиск полов в интерьере здания; 4) исследование более поздних частей постройки, выявление разного рода ремонтных работ; 5) поиск пристроек; 6) изучение культурного слоя, поиск отметки дневной поверхности на момент строительства палаты. Ограниченная площадь исследований не позволила ответить на все поставленные вопросы, однако полученные материалы значительно расширили наши представления о строительной истории Владычной палаты.

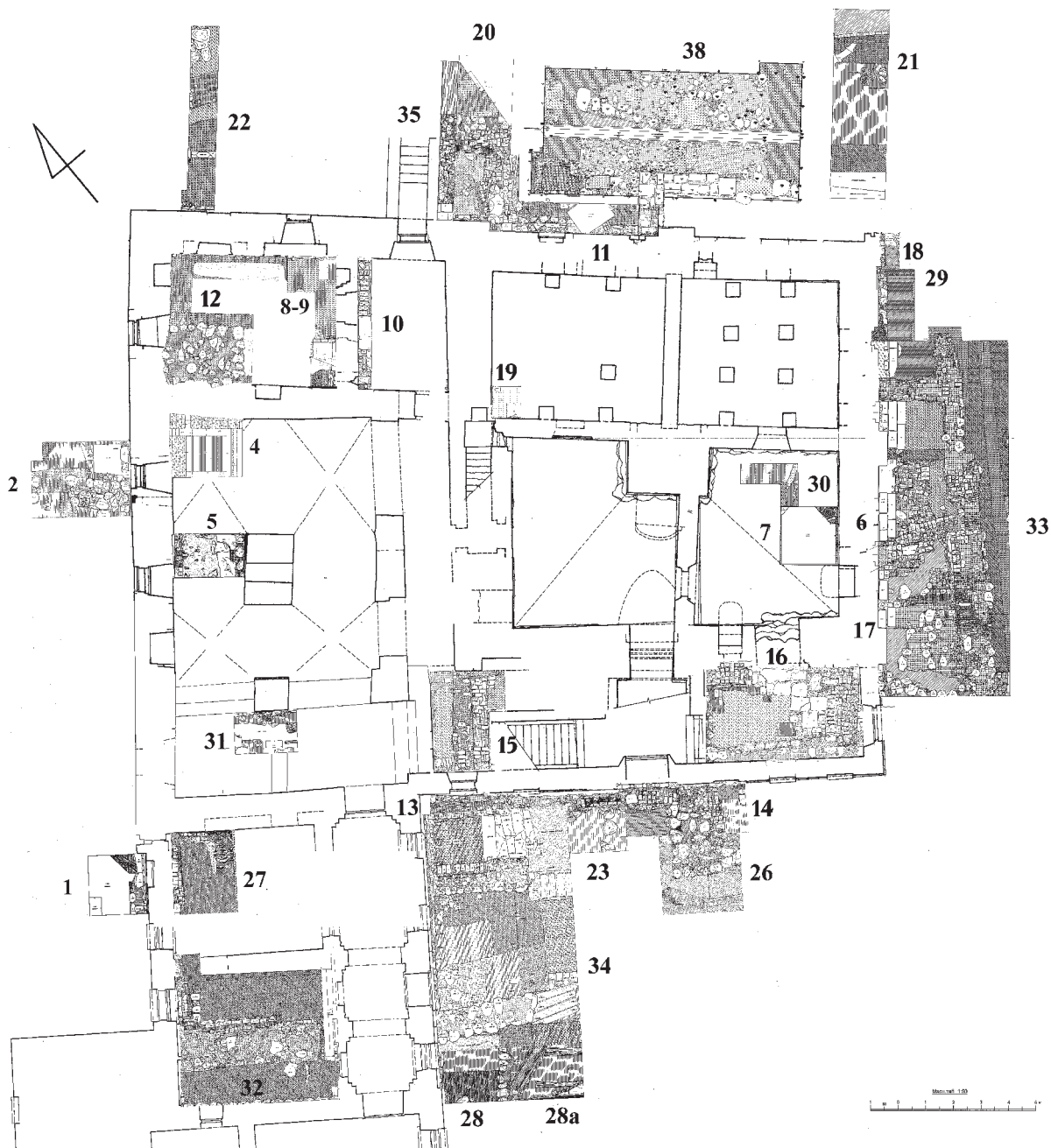
Задача данной статьи локальна — публикация данных, полученных в ходе поиска и изучения несохранившихся первоначальных частей здания Владычной палаты 1433 г.²

Как уже упоминалось, в ходе раскопок мы пытались обнаружить не дошедшие до нашего времени части Владычной палаты и, прежде всего, изучить ее юго-западную треть, верхние два этажа которой были разобраны в XIX в., а подвал, как выяснилось в процессе исследований, практически целиком сохранился.

1. Лестница в подвал утраченной юго-западной части палаты

У стыка южной стены сеней Владычной палаты и т. н. корпуса викариев найдены кладки стенок лестницы — спуск в подвал утраченной юго-западной трехэтажной части палаты (шурфы 13, 23, раскоп 34). Спуск в подвал был устроен следующим образом: в культурном слое была выкопана яма, в своей северной части составлявшая, очевидно, единое целое с траншеей под фундамент южной стены сеней палаты. По северной и южной сторонам ямы были заложены стенки спуска в подвал — кладка южной стенки изнутри имеет стеновой характер, снаружи — фундаментный, ее ширина

² Все материалы археологического изучения Владычной палаты будут включены в посвященную этому памятнику монографию, которую в настоящий момент готовит коллектив исследователей под руководством И. В. Антипова.

• Ил. 1. Новгородский Владычный двор. Раскопки Архитектурно-археологической экспедиции СПбГУ у стен Владычной палаты в 2006–2009, 2011, 2018 гг. План.

110–115 см. Северная стена лестницы в подвал являлась одновременно и западной частью южной стены сеней палаты, поэтому она имела обе лицевые стороны и значительную ширину (155–168 см) (ил. 2, 3).

В северной и южной стенах спуска в подвал обнаружены две ниши, расположенные напротив друг друга (ил. 4). Под фундаментом восточной стены корпуса викариев зафиксирована кладка простенка между нишей на северной

• Ил. 2. Владычная палата в Великом Новгороде. Сводный план раскопов 13, 14, 23, 26, 34. Чертеж Т. В. Силаевой, М. А. Герасимовой, М. А. Пискаревой, П. М. Поздновой и Д. Д. Ёлшина.

стене лестницы и следующей, расположенной западнее. Кладка ниш выполнена из кирпича (облицовка в один кирпич валунной кладки, кирпичи лежат в основном ложками), подоконник ниши в северной стене сложен из плит, в южной — из кирпичей и плит. На стенах ниш зафиксированы фрагменты штукатурки. Ниже подоконников ниш характер кладки меняется, она сложена из кирпичей, валунов и плит. Средний формат кирпичей в кладке лестницы 28–30 × 13,5–14,5 × 6,5–7 см, по типу кирпичи идентичны кирпичам сохранившихся частей Владычной палаты 1433 г.

В центральной части лестницы на основания из плит (подступенки) были уложены известняковые плиты (проступи), всего удалось зафиксировать 5 ступеней (возможно, верхняя плита является частью не ступени, а площадки лест-

ницы), в лестнице было, по нашим подсчетам, 12–13 ступеней¹.

Археологические данные свидетельствуют о том, что лестница в подвал юго-западной части была ликвидирована в ходе возведения пристройки вдоль восточной стены юго-западной части палаты. Восточная стена пристройки проходила у восточного края лестницы XV в., северная стена была поставлена на разобранный кладку северной стены этой лестницы (при

¹ Нижние ступени не удалось открыть из-за сильного подпора грунтовых вод. После завершения археологических работ архитекторами-реставраторами были раскрыты и восстановлены арочное завершение входа в подвал, а также еще одна ниша в северной стене спуска в подвал.

• Ил. 3. Владычная палата в Великом Новгороде. Раскоп 34, 2011 г. Лестница в подвал утраченной юго-западной части палаты. Вид с севера. Фотография И. В. Антипова.

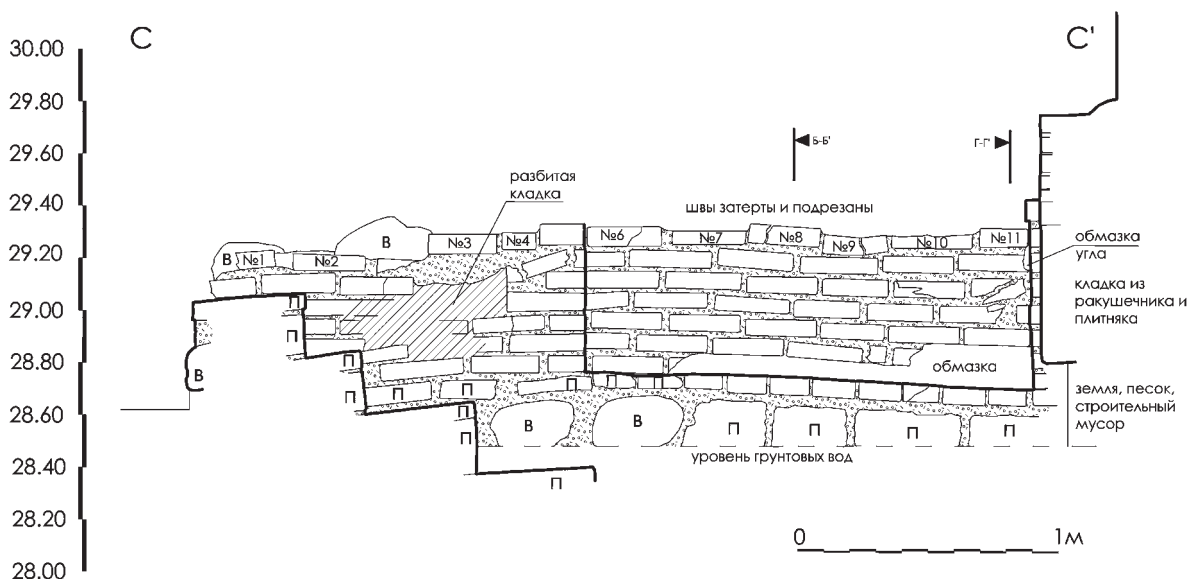
этом в центральной части вообще без фундамента, прямо на засыпку ниши XV в.). Наиболее вероятная датировка этого сооружения — вторая половина XVII в. Культурным слоем, выбранным в процессе откопки рвов для его фундамента, была засыпана найденная нами лестница. Именно так можно объяснить обнаружение в этой засыпке печати посадника Варфоломея Юрьевича (1316–1342) и монеты-новгородки 1447–1478 гг.

Вход на лестницу в подвал юго-западной части палаты находился совсем рядом с входом на лестницу, по которой спускались в подвал под восточной частью здания (эта лестница раскрыта в процессе реставрационных исследований). Между двумя лестницами, очевидно, существовала какая-то вымощенная площадка, однако следов ее в ходе археологических работ найти не удалось. Остается не вполне понятным, что находилось над найденной нами лестницей, — лестница в подвал под восточной частью здания была включена в состав восточ-

ной части сеней, на участке лестницы в подвал юго-западной части никаких кладок, которые могли быть интерпретированы как кладки сеней, в состав которых входила лестница, найдено не было.

Обнаружение лестницы, ведущей в подвал юго-западной части, имело и практическое значение для реставрации памятника — по ее образцу были восстановлены ступени лестницы в подвал восточной части (они были полностью утрачены). Подобного рода широкие лестницы, ведущие с улицы в подвал, являются обычным явлением для построек северо-немецкой готики, в Новгороде единственной известной нам аналогией является спуск в подвал, обнаруженный с южной стороны от т. н. палаты Василия Калики 1350 г. (Антипов и др., 2017. С. 60).

Остатки лестницы в подвал утраченной юго-западной части палаты отреставрированы, тщательно закрыты укрывными материалами и засыпаны песком (ил. 5) — если в будущем

• Ил. 4. Владычная палата в Великом Новгороде. Раскоп 34, 2011 г. Лестница в подвал утраченной юго-западной части палаты. Интерьерная поверхность северной стены. Чертеж Т. В. Силаевой и Д. Д. Ёлшина.

удастся осуществить проект вертикальной планировки этой части территории Владычного двора, а также раскрыть подвал юго-западной части палаты, то лестница снова сможет стать функциональной частью здания.

2. Стены утраченной юго-западной части палаты

В ходе археологических работ в шурфах 1, 27, 32, раскопе 34 были прослежены кладки южной, западной и восточной стен утраченной первоначальной юго-западной части палаты (северная стена сохранилась практически на всю высоту). Соответственно, появляются основания для реконструкции данной части постройки в виде трехъярусной структуры размерами 720 (С–Ю) × 760 (З–В) см (ил. 6). Удалось установить, что фундамент северо-западной части палаты составляет единое целое с фундаментом юго-западной части, соответственно, нет сомнений в том, что они были заложены одновременно.

Достаточно подробно изучена внешняя поверхность кладки восточной стены юго-западной части палаты (раскоп 34). Зафиксированы три-четыре ряда валунов верхней части фундамента XV в., нижние ряды сложены на земле,

верхние — на известково-песчаном растворе. Фундамент аналогичен фундаментным конструкциям остальных частей палаты, нижние его части не изучались. На небольшом участке сохранилась и стеновая кладка — выше верхнего ряда валунов уложен плитняной цоколь, затем начинается кирпичная кладка (сохранилось до 5 рядов кирпичей форматом ? × 13,5–14 × 6–7 см, аналогичных другим кирпичам палаты).

Изучена хорошо сохранившаяся интерьерная поверхность западной стены подвала, в кладке которой зафиксирована верхняя часть ниши с лучковой перемычкой (шурф 27). В этом же шурфе удалось изучить и северную стену юго-западной трети палаты, одновременно являющуюся и южной стеной северо-западной, двухэтажной части здания. На высоте 28.80 здесь был найден кирпичный уступ шириной 16–18 см. На этом уступе лежали бревна перекрытия подвала, четкие следы от них фиксируются в растворе. Юго-западная часть подвала была перекрыта сводом, на котором стояла огнекаменная печь (подробнее см. ниже).

На всю ширину (115–120 см) исследована южная стена юго-западной части палаты (шурф 32 — ил. 7). Она представляет собой две внешние версты, сложенные из кирпичей 28,5–30 × 14–14,5 × 5,5–6 см, а также сердцевину, забученную булыжниками и валунами на

• Ил. 5. Владычная палата в Великом Новгороде. Консервация отреставрированных кладок лестницы в юго-западную часть палаты. Вид с юго-востока. Фотография И. В. Антипова.

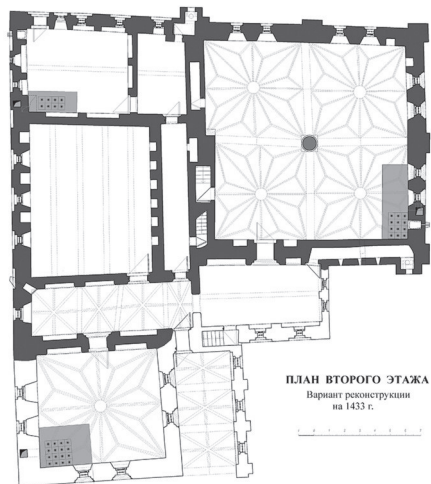
светло-сером известково-песчаном растворе, в котором встречаются отдельные непромешанные комочки извести. Подобный тип раствора характерен для памятников новгородской архитектуры 1430–1460-х гг., в т. ч. и для Владычной палаты. Кирпичи в кладке использованы светло-красные, с обсыпкой мелким песком, хорошо промешанным тестом, с закраинами на торцах.

Среди находок в верхних слоях засыпки юго-западной части палаты интерес представляют многочисленные фрагменты лекальных кирпичей от сдвоенных нервюр — верхний зал этой части палаты был перекрыт сводом, близким по типу нервюрному своду восточной части палаты (Yakovlev et al., 2020, P. 553–568).

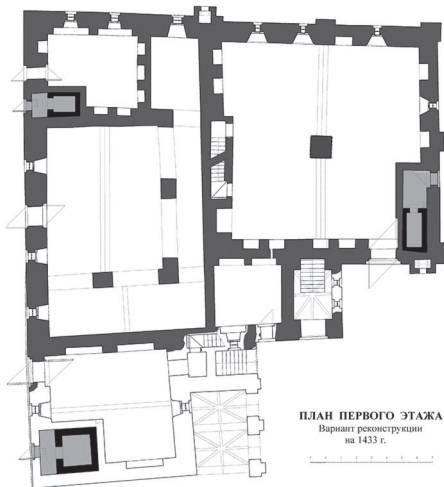
Не вполне понятным остается способ связи между отдельными этажами в юго-западной части здания. В ходе археологических и реставрационных работ обнаружены порталы, ведущие во все три этажа юго-западной части палаты: вход в подвал найден в северо-восточном углу помещения, вход на первый этаж находился в северо-за-

падном углу, вход в зал второго этажа был расположен по центру северной стены. По аналогии со структурой восточной трехэтажной части можно было бы предположить, что существовала еще и лестница, соединяющая все три этажа. Отметим, однако, что ширина всех стен недостаточна для расположения внутрстенной лестницы. Согласно версии архитектора-реставратора Д. Е. Яковлева, лестница располагалась в южной стене сеней палаты, она могла связывать 1 этаж юго-западной части палаты со 2 этажом сеней (ил. 6). Материалов для такой реконструкции пока явно недостаточно (см. ниже нашу версию относительно лестницы в южной стене сеней палаты).

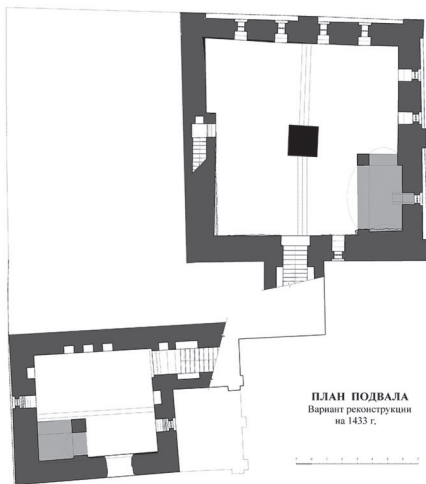
Все три части палаты были объединены сенями, располагавшимися на втором этаже комплекса. По первоначальному предположению архитектора-реставратора Д. Е. Яковлева, на сени вела лестница, располагавшаяся вдоль восточного фасада юго-западной части (Яковлев, 2019. С. 30). На этом участке были зафиксированы кладки позднейших пристроек к зданию,

ПЛАН ВТОРОГО ЭТАЖА
Вариант реконструкции
на 1433 г.

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА
Вариант реконструкции
на 1433 г.

ПЛАН ПОДВАЛА
Вариант реконструкции
на 1433 г.

- Ил. 6. Владычная палата в Великом Новгороде. Позэтажные планы: вариант реконструкции на 1433 г. (светло-серым выделены элементы системы отопления). Чертеж Д. Е. Яковлева.

никаких следов существования первоначальной каменной лестницы или каких-то переходов не обнаружено.

Установлено, что на определенном этапе, вероятно, в XVII в. свод в юго-западной части помещения, на котором стояла печь, был разобран. Вместо него было устроено, очевидно, деревянное перекрытие — для этого первоначальную стену обложили изнутри кирпичом на каменном цоколе, создав тем самым площадку для опоры балок перекрытия. Кирпичи в кладке гладкие, достаточно ровно отформованные, светло-красные, формат 27,5–29 × 13–14 × 6–7 см. Подвал был засыпан одновременно, видимо, в первой трети XVIII в. (в верхних частях засыпки обнаружен шведский далер 1717 г.), поверх засыпки был настелен деревянный пол. К сожалению, раскрыть стены подвала до первоначального пола не удалось из-за высокого уровня грунтовых вод. Сопоставление данных высотных отметок (уровни уступа для укладки деревянного перекрытия, ниши в западной стене) позволяет предположить, что пол подвального этажа должен находиться на отметке около 27.00 (примерно на том же уровне, очевидно, около 27.20 находился и пол в подвале восточной части палаты).

На участке к югу от юго-западной части палаты раскопки не проводились. Поэтому сделанная по материалам реставрационных исследований и археологических раскопок реконструкция первоначального плана Владычной палаты пока остается отчасти гипотетической (ил. 6). Не исключен вариант, согласно которому к югу от найденной нами южной стены юго-западной части палаты в уровне 1 этажа располагалась проездная арка, над которой продолжалась кладка 2 этажа постройки. Соответственно, парадный зал второго этажа был не квадратным, а прямоугольным, вытянутым по оси север-юг (предположение архитектора-реставратора Д. Е. Яковлева). Археология не дает пока никаких данных для подтверждения или опровержения этой версии.

3. Кладки южной стены южных сеней палаты

В нескольких шурфах были изучены кладки первоначальной южной стены сеней палаты (шурфы 13, 23, раскоп 34) (ил. 2). Установлено, что существующая сейчас южная стена сеней 1820-х гг. в западной и центральной частях стоит на кладках

• Ил. 7. Владычная палата в Великом Новгороде. Шурф 32, 2009 г. Кладки южной и западной стен юго-западной части палаты, кладка сводчатого основания под печь. Вид с востока. Фотография И. В. Антипова.

стены XV в. Раскрыты 2–3 верхних ряда валунного фундамента, а также участок стеновой кладки. Местами сохранилось 3–4 ряда кирпичей, в основном выходящих на фасад ложками, зафиксированы швы с характерной двусторонней подрезкой. На верхних кирпичах есть следы штукатурки. Выявлены следы входного проема в небольшое замкнутое помещение, располагавшееся под первоначальными сенями палаты (обнаружена восточная притолока портала).

Назначение помещения под сенями пока не очень ясно, мы предполагаем, что это был своего рода тамбур перед внутрискрипной лестницей, по которой поднимались на верхний этаж палаты, в парадные сени — главный коммуникационный узел 2 этажа здания. Лестница могла располагаться на западном участке южной стены сеней, так как здесь эта стена имеет толщину 155–168 см, что на 40–50 см толще, чем ее восточный отрезок (в западной части стена является северной стеной ограждения лестницы в подвал юго-западной части палаты).

Как уже упоминалось выше, западная часть южной стены сеней палаты была перестроена, вероятно, в XVII в., кладка XV в. была разобрана ниже уровня дневной поверхности времени перестройки, подведен новый валунный фундамент, поверх которого выложена новая кирпичная кладка. При этом восточная часть южной стены сеней, судя по всему, не перестраивалась, проем, через который попадали в помещение под сенями, показан на всех планах палаты конца XVIII – начала XIX в.

Особый интерес представляет кладка, отходящая на юг от южной стены первоначальных сеней и продолжающая кладку восточной стены сеней палаты (ил. 2, 8). Длина кладки около 315 см, ширина фундамента 150–185 см. Фундамент сложен из валунов, просыпанных землей, глиной, с включениями кирпичной крошки, известково-песчаного раствора, иногда встречаются мощные вкрапления песка. Верхние ряды пролиты крепким известково-песчаным раствором с мелким песком. Кладка сложена в

• Ил. 8. Владычная палата в Великом Новгороде. Шурф 14, 2007 г. Кладка т. н. контрфорса. Вид с юга.
Фотография И. В. Антипова.

небольшой распор, прослежена на высоту 5 рядов валунов (85 см), подошва фундамента не найдена.

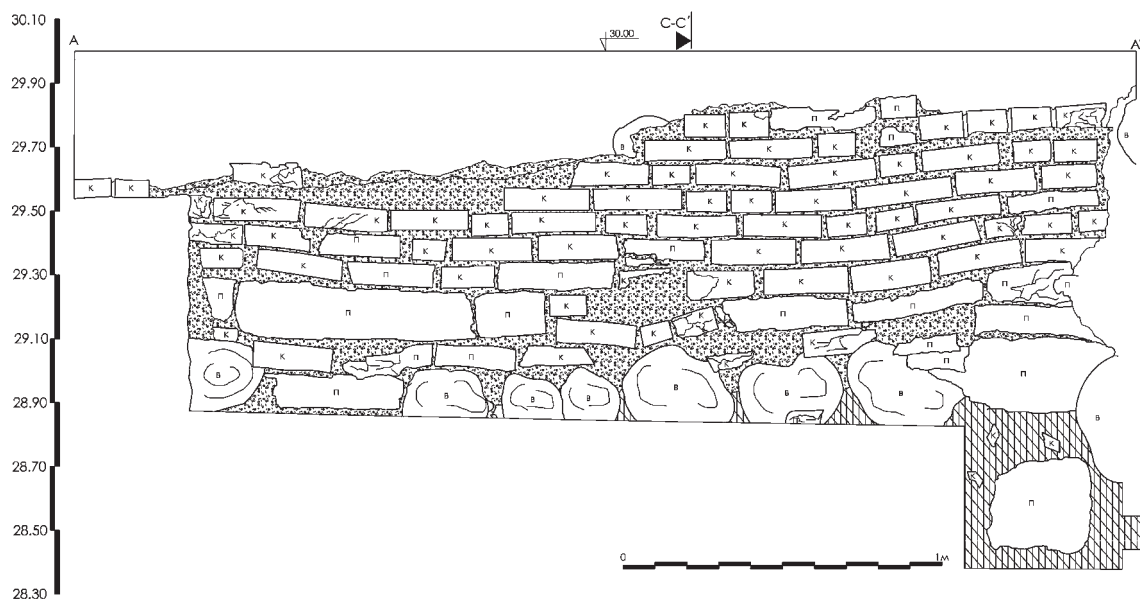
Сохранились 1–2 ряда стеновой кладки из кирпичей $29 \times 13 \times 7$ см и плиты на желтовато-сером известково-песчаном растворе. Сердцевина кладки забучена кусками плитняка, небольшими валунами. Четко фиксируется ее западная поверхность, ширина стеновой кладки 105–110 см. Строительные материалы кладки идентичны строительным материалам палаты. Отметим, что эта стена несколько шире очень узкой восточной стены сеней, стеновая кладка здесь начинается примерно на 20 см выше, чем в стене сеней. Указанные отличия, однако, вряд ли могут свидетельствовать о том, что этот участок появился в какое-то иное время. Кладка, вероятнее всего, была разобрана при перестройке этой части палаты в XVII в.

Назначение кладки не вполне ясно. Не исключено, что это остатки своего рода контрфорса, прикрывавшего с востока площадку, на

которую выходили лестничные спуски в подвалы восточной и юго-западной частей палаты. Возможно, что на эту кладку опиралось основание какого-то свода, закрывавшего эту площадку. Еще один вариант — обнаружена одна из опор перехода, который мог соединять Владычную палату и раскрытую нами постройку на площади перед Софийским собором, видимо, палату 1350 г. Археологические материалы позволяют утверждать, что обе палаты до XVII в. существовали одновременно и могли быть соединены переходом.

4. Кладки южной части стены, отделявшей северо-западную часть палаты от помещения на 1 этаже под сенями

В ходе строительства новых южных сеней палаты в 1820-е гг. была разобрана южная часть стены, отделявшей северо-западную часть палаты от помещения на 1 этаже под сенями. В резуль-

• Ил. 9. Владычная палата в Великом Новгороде. Западный фасад стены, отделявшей северо-западную часть палаты от помещения на 1 этаже под сенями. Чертеж П. М. Поздневой.

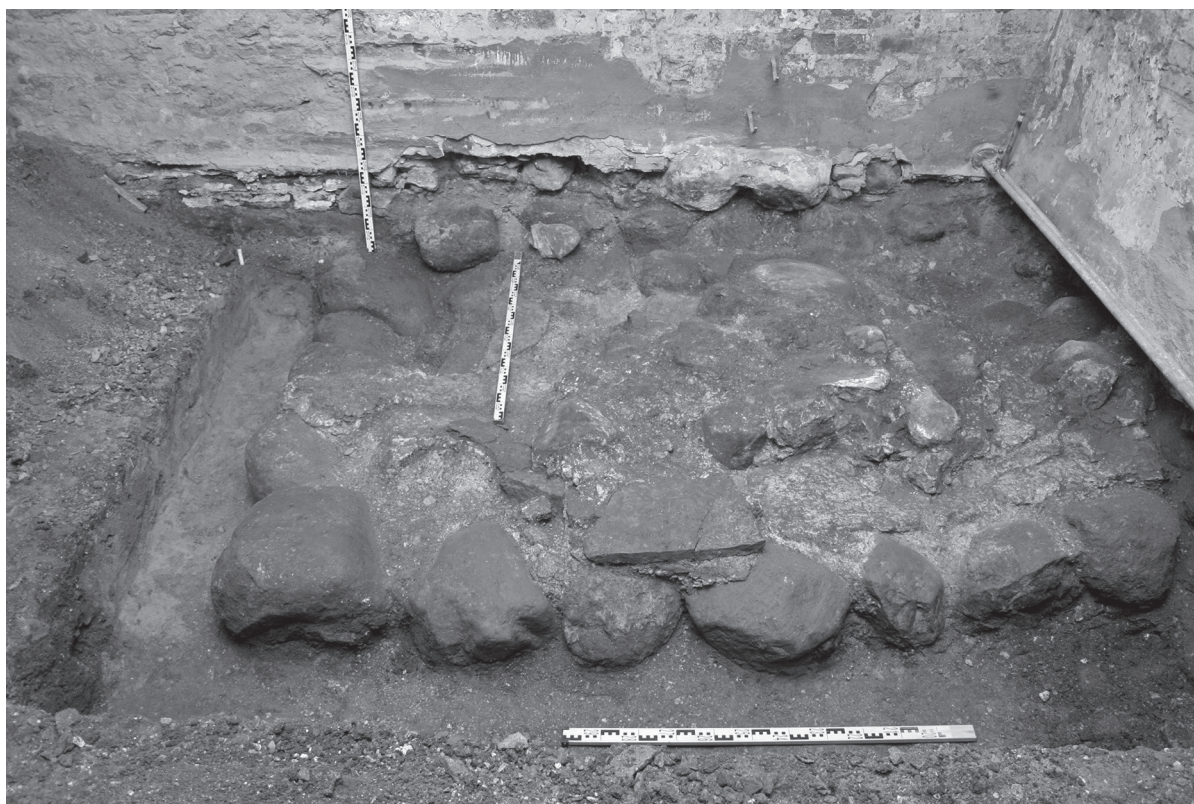
тате раскопок остатки стены были расчищены и затем реставраторами частично надложены новой кладкой (шурф 15). На данном участке удалось проследить кладку XV в. «в разрезе» — стена сложена из кирпича, с включением плитняка (в основном в нижних частях) на желтом извещковом-песчаном растворе с мелким песком. Максимальная высота сохранившейся стеновой кладки 70 см, выравнивающий ряд под стеновую кладку около 10 см высотой (в основном сложен из плитняка, с включениями кирпича — ил. 9). Ширина стены 66 см, внешние версты образованы кирпичами, уложенными ложками, в забутовке использованы фрагменты кирпича и плиты, небольшая толщина стенки указывает на то, что исследуемая стена — внутренняя. Данная стенка отделяла с запада небольшое помещение, находившееся под восточной частью сеней палаты, возможно, тамбур перед лестницей на сени (см. выше).

В кладке в основном использован кирпич XV в., аналогичный кирпичам палаты (28–30 × 13,5–14 × 6–7 см), в то же время применены и кирпичи XIV в. с обсыпкой крупным песком (31–28,5 × ? × 7,5–8 см). Под стеновой кладкой зафиксирован ряд валунов фундамента (высотой 15–30 см), в зондаже у южной стены сеней

палаты найден второй ряд — помимо валунов в фундаменте встречаются и плиты. Верхний ряд валунов фундамента пролит сверху раствором, ниже фундамент просыпан переотложенным культурным слоем.

5. Кладки оснований под печи

Интересным результатом работ стало обнаружение оснований под две огнекаменные печи — валунный фундамент под печную камеру и печь был найден в юго-западной четверти северного помещения северо-западной двухэтажной части палаты (шурф 12); остатки свода, на котором стояла печь, обнаружены в юго-западном углу подвала юго-западной части трехэтажной палаты (шурф 32) (ил. 6). Печь в северо-западной части отапливала жилую келью архиепископа Евфимия II, а печь в юго-западной части — парадный бесстолпный зал второго этажа. Попытка найти фундамент столба, на который опиралась кладка свода третьей печи, находившейся в юго-восточном углу восточной части палаты, не увенчалась успехом — вероятно, столб был поставлен на фундамент из одного ряда валунов, так как нагрузка на него была мала. В XVII в. уровень пола в этой части подвала был су-

• Ил. 10. Владычная палата в Великом Новгороде. Шурф 12, 2007 г. Основание под печную камеру и печь в северо-западной части палаты. Вид с севера. Фотография И. В. Антипова.

щественно понижен, печь разобрана и фундамент столба полностью ликвидирован (шурф 30). Эта печь отапливала парадный одностолпный зал на 2 этаже восточной части¹.

Основание под печную камеру и печь в юго-западном углу северного помещения северо-западной части палаты представляет собой платформу из валунов (размеры 275–280 /З-В/ × 213–223 /С-Ю/ см), пролитую сверху известковым раствором, аналогичным кладочному раствору XV в. (ил. 10). По северной и восточной сторонам кладки, на расстоянии 20–25 см (местами до 40 см) от крайнего ряда фундамента отмечены лежащие на валунах постелистые плиты (толщина 4,5–5,5 см), связанные раствором — очевидно, первый, выравнивающий ряд стеновой кладки. Центральная часть кладки была забучена валунами и плитами, в забутовке есть и один кирпич.

¹ Подробнее о принципах работы и устройстве огнекаменных печей палаты см.: Антипов, Яковлев, 2019.

Кладка основания идентична кладке фундамента западной стены северо-западной части палаты, они составляют единое целое — проливка раствором сделана одновременно, на одинаковом уровне. Однако основание под печную камеру и печь не несло больших нагрузок, поэтому строители не стали копать фундаментные рвы до материка, а выкопали котлован под него на глубину до 50 см — в зондаже зафиксировано, что фундамент основания состоит из 2–3 рядов валунов (с включениями отдельных кусков плиты). В зондаже под последний ряд была предпринята попытка обнаружить остатки какого-либо свайного поля, которое могло находиться под кладкой. Из слоя, лежащего под кладкой, были вынуты два небольших кола (диаметр 3 см, длина 10 см). Небольшой размер данных кольев и отсутствие уверенности в том, что их появление связано с периодом строительства палаты, не позволяют утверждать, что перед строительством было сделано свайное поле под фундамент печной камеры и печи.

Кладка западной стены палаты и внутренней южной стены между помещениями велась одновременно с кладкой печи и камеры для печи — забутовка внутренней части кладки камеры переходила в кладку стены. В ходе реставрационных работ на найденном нами основании была восстановлена камера, где находилась печь.

Основание печи в юго-западном углу юго-западной части палаты представляло собой свод, которым перекрывался этот участок подвала (см. выше). Обнаружены его отчетливые следы — примыкающий к кладке южной стены ряд кирпичей, лежащих по дуге свода (ил. 7). В юго-западном углу удалось зафиксировать четыре-пять рядов кирпичей свода. Следы свода отмечены и в кладке западной стены палаты. Кирпичный свод имел шельгу запад-восток и достаточно пологий абрис, он опирался на южную стену помещения, а также на арки, очевидно, переброшенные между западной, южной стенами и вспомогательным столбиком. К сожалению, остатки самой печи полностью утрачены, однако внешние размеры обнаруженного кирпичного основания камеры в уровне перекрытия над подвалом точно реконструируются — они равны 300 × 250 см.

* * *

Целый ряд объективных факторов привел к перестройкам здания Владычной палаты и утрате некоторых элементов ее первоначальной композиции. Так, огнекаменные печи, очевидно, уже в XVI в. нуждались в серьезном ремонте и поэтому были заменены на обычные печки. Повышение уровня грунтовых вод привело к тому, что подвал под юго-западной частью палаты затапливался, поэтому перестал функционировать — сначала была разобрана и засыпана лестница, по которой спускались в подвал, а затем и сам подвал. Желание переустроить Владычную палату в связи с освящением в ней церкви св. Иоанна Новгородского привело к полной перестройке юго-западной части палаты и южной стены сеней в 1820-е гг.

В результате археологических исследований удалось получить материалы для реконструкции первоначального плана здания. Наиболее значимы данные, благодаря которым можно восстановить габариты утраченной юго-западной части палаты. Вместе с результатами реставрационных

исследований они позволяют составить представление о структуре и возможном назначении этой части здания. В ходе археологических работ не подтвердилась гипотеза о существовании первоначальных сеней вдоль восточной стены юго-западной части палаты. В то же время было выявлено, что на участке между юго-западной и восточной частями здания существовала площадка, с которой можно было спуститься в подвалы, а также войти в помещение под сенями, через которое, возможно, осуществлялся подъем в сами сени. Обнаружение в процессе археологических раскопок остатков оснований печей показывает особое значение определенных помещений в структуре здания (двух больших парадных залов и жилой кельи архиепископа Евфимия II). Именно возможность устройства отопления в каменном здании позволила новгородскому владыке и его мастерам создать сложное по своей структуре, многофункциональное здание дворца.

Археологические работы наглядно показали — здание Владычной палаты возведено в рамках одного строительного этапа, не только по единому плану, но и с использованием одинаковых строительных материалов и технологий, что подтверждают и данные, полученные в ходе реставрационных работ.

Раскопки во Владычной палате помогли выработать и осуществить целый ряд реставрационных решений, некоторые архитектурные конструкции, открытые в ходе раскопок, были отреставрированы и ныне экспонируются (например, спуск в подвал юго-западной части, кладка южной части стены между северо-западной и восточной частями палаты).

Археологические исследования новгородской Владычной палаты значительно расширили наши знания о каменной гражданской архитектуре Руси, а также о средневековой строительной технике и технологии. Работы на этом памятнике — лишь шаг на пути планомерного обследования территории Владычного двора, которое должно быть продолжено в ближайшем будущем.

Список литературы

Антипов И. В., Булкин Вал. А., Жервэ А. В. Гражданская постройка XIV в. в новгородском Детинце // *Seminarium Bulkinianum*. IV. СПб.: Каламос, 2017. С. 59–71.

- Антипов И. В., Яковлев Д. Е. Владычная палата в Великом Новгороде — памятник сотрудничества немецких и новгородских мастеров // София. 2012. № 3. С. 19–23.
- Антипов И. В., Яковлев Д. Е. Тёплый дом новгородского архиепископа: система отопления во Владычной палате 1433 года // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Т. IX / отв. ред. А. В. Захарова. СПб.: Профессия, 2019. С. 446–457.
- Гусаков В. Н. Археологические наблюдения и исследования на территории Новгородского кремля в 1989 г. // Научный архив Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. № 2508.
- Гусаков В. Н., Суховаров В. Н. Археологические наблюдения в Новгороде в 1988–1990 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород: РИО Упрполиграфиздат, 1990. С. 22–25.
- Калугина И. В., Яковлев Д. Е., Рузаева Е. И. Архитектура Владычной палаты новгородского Кремля по материалам исследований 2006–2008 годов // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 3 / отв. ред. Т. Ю. Царевская. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2009. С. 140–178.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Яковлев Д. Е. Владычная палата новгородского Кремля. Реконструкция первоначального облика (по материалам исследований 2006–2007 гг.) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: материалы научной конференции / ред. В. Д. Дажина. М.: изд-во МГУ, 2008. С. 160–174.
- Яковлев Д. Е. Владычные сени в структуре новгородского Владычного двора в XIV–XVII веках. Проблемы атрибуции и топографии // Архитектурное наследство. 2019. № 71. С. 18–34.
- Yakovlev D., Trushnikova A., Antipov I. The cross-cultural interaction in the Baltic region in the 15th century: the vaults of the Faceted Palace in Novgorod the Great and the Brick Gothic architecture // Journal of Baltic Studies. 2020. № 51: 4. P. 553–568.
- godu // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. IX / ed. A. V. Zakharova. St. Petersburg: Professiya, 2019. P. 446–457.
- Gusakov V. N. Arkheologicheskie nablyudeniya i issledovaniya na territorii Novgorodskogo kremlya v 1989 g. // Nauchnyy arkhiv Novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika. № 2508.
- Gusakov V. N., Sukhovarov V. N. Arkheologicheskie nablyudeniya v Novgorode v 1988–1990 gg. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 3. Novgorod: Uprpoligrafizdat, 1990. P. 22–25.
- Kalugina I. V., Yakovlev D. E., Ruzaeva E. I. Arkhitektura Vladychnoy palaty novgorodskogo Kremlya po materialam issledovaniy 2006–2008 godov // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Iskusstvo i restavratsiya. 3 / ed. T. Yu. Tsarevskaya. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2009. P. 140–178.
- Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 640 p.
- Yakovlev D. E. Vladychnaya palata novgorodskogo Kremlya. Rekonstruktsiya pervonachal'nogo oblika (po materialam issledovaniy 2006–2007 gg.) // Lazarevskie chteniya. Iskusstvo Vizantii, Drevney Rusi, Zapadnoy Evropy: materialy nauchnoy konferentsii / ed. V. D. Dazhina. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. P. 160–174.
- Yakovlev D. E., 2019. Vladychnye seni v strukture novgorodskogo Vladychnogo dvora v XIV–XVII vekakh. Problemy atributsii i topografii // Arkhitekturnoe nasledstvo. № 71. P. 18–34.
- Yakovlev D., Trushnikova A., Antipov I. The cross-cultural interaction in the Baltic region in the 15th century: the vaults of the Faceted Palace in Novgorod the Great and the Brick Gothic architecture // Journal of Baltic Studies. 2020. № 3. (In print).

References

- Antipov I. V., Bulkin Val. A., Gervais A. V. Grazhdanskaya postroyka XIV v. v novgorodskom Detintse // Seminarium Bulkinianum. IV. St. Petersburg: Kalamos, 2017. P. 59–71.
- Antipov I. V., Yakovlev D. E. Vladychnaya palata v Velikom Novgorode — pamyatnik sotrudnichestva nemetsikh i novgorodskikh masterov // Sofiya. 2012. № 3. P. 19–23.
- Antipov I. V., Yakovlev D. E. Teplyy dom novgorodskogo arkhiepiskopa: sistema otopeniya vo Vladychnoy palate 1433

Illustrations

- Fig. 1. The Episcopal Palace in Veliky Novgorod. Map of the excavation by the Architectural and archaeological expedition, St. Petersburg university at the wall of the Episcopal chamber, 2006–2009, 2011, 2018.
- Fig. 2. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Summary plan of pits No. 13, 14, 23, 26 and 34. Drafted by T.V. Silayeva, M. A. Gerasimova, M. A. Piskaryova, P. M. Pozdneva and D. D. Jolshin.
- Fig. 3. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Pit No. 34, 2011. A staircase leading to the basement of the lost south-eastern part of the chamber, viewed from the north. Photo by I. V. Antipov.

- Fig. 4. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Pit No. 34, 2011. A staircase leading to the basement of the lost south-western part of the chamber. The interior of the northern wall. Drafted by T. V. Silayeva and D. D. Jolshin.
- Fig. 5. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Architectural conservation of the restored masonry of the staircase leading to the south-western part of the chamber. A view from the south-east. Photo by I. V. Antipov.
- Fig. 6. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Floor plans of the possible reconstruction of the chamber as it was in 1433 (highlighted are the heating system elements). Drafted by D. Ye. Yakovlev.
- Fig. 7. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Prospecting hole No. 32, 2009. Masonry, southern and western walls of the south-western part of the chamber, vaulted foundation for a stove. A view from the east. Photo by I. V. Antipov.
- Fig. 8. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Prospecting hole No. 14, 2007. Masonry of a buttress. A view from the south. Photo by I. V. Antipov.
- Fig. 9. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. The western facade of a wall which divided the north-western part of the chamber from the room on the first floor underneath the entrance hall (seni). Drafted by P. M. Pozdneva.
- Fig. 10. The Episcopal Chamber in Veliky Novgorod. Prospecting hole No. 12, 2007 г. Foundation of a furnace and a stove in the north-western part of the chamber. A view from the north. Photo by I. V. Antipov.

I. V. Antipov, Val. A. Bulkin, A. V. Gervais. The Episcopal Chamber in Novgorod in architectural and archaeological research in the 2000s and 2010s: studying the lost fragments of the building

Abstract. The article makes public the outcomes of an archaeological study of the lost parts of the 1433 Episcopal Chamber, which was the centerpiece of the palace used the residence of the Archbishops of Novgorod. During the excavations, archaeologists found remains of the masonry of the southern, eastern and western walls of the lost south-western three-storied part of the chamber (its northern wall has survived almost intact). Also found was the staircase leading into the basement of the chamber. Some of the finds indicate the layout of the south entrance hall of the chamber, and traces of the doorway leading into the room below the hall have also been unearthed. We have also studied the foundation of two stoves used for heating the second floor rooms. The outcomes of the archaeological study helped us draft the original layout of the Chamber.

Keywords: Veliky Novgorod, Episcopal palace, civic architecture in stone, architectural archaeology, building materials and constructions.

Antipov Ilya Vladimirovich, Candidate of Arts Studies, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7-9 University Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation, i.antipov@spbu.ru

Bulkin Valentin Aleksandrovich (1937–2016), Candidate of Arts Studies, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7-9 University Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

Gervais Alexei Vladimirovich, Department head, State Museum of the History of Religion, 14/5 Pochtamskaya St., 199000 St. Petersburg, Russian Federation, azherve@mail.ru